

**ДВАЖДЫ ГЕРОИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ОТ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ**
(серия из ТРЕХ книг)

АФАНАСИЙ ПАВЛАНТЬЕВИЧ БЕЛОБОРОДОВ

Русский Национальный Благотворительный Общественный
фонд
во имя Святителя **Иннокентия Иркутского**.
Основан в 2003 году

Деятельность фонда благословили:
Его блаженство, Святейший Патриарх Святого града
Иерусалима и Всея Палестины
Феофил III,
Митрополит Черногорский **Амфилохий**
Епископ Бане-Лукский **Ефрем**
Иерей **Александр Ерёмин**

Иркутск, 2017

**АФАНАСИЙ
БЕЛОБОРОДОВ**

**ДВАЖДЫ ГЕРОИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

БЕЛОБОРОДОВ АФАНАСИЙ ПАВЛАНТЬЕВИЧ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА:

Белобородов Афанасий Павлантьевич, родился 31.01.1903 в деревне Акинино, ныне Иркутского района Иркутской области в семье крестьянина. Русский. Член КПСС с 1926. Окончил 3 класса сельской школы. В Советской Армии в 1919-1920 и с 1923. Окончил Нижегородскую пехотную школу в 1926, Военно-политические курсы в 1929, Военную академию имени М. И. Фрунзе в 1936. Участвовал в боях на КВЖД в 1929. На фронтах Великой Отечественной войны с октября 1941. Командовал стрелковой дивизией, корпусами, с 1944 - 43-й армией. За умелое руководство войсками при прорыве обороны противника в районе Витебск, Полоцк и форсировании реки Западная Двина 22.7.1944 генерал-лейтенанту Белобородову присвоено звание Героя Советского Союза. Войска армии под его руководством отличились при ликвидации группировки противника северо-западнее Кенигсберга (Калининград) и в боях при овладении городом. 19.4.45 генерал-лейтенант Белобородов награжден второй медалью «Золотая Звезда». После войны - начальник курсов «Выстрел». В 1955-57 командовал войсками Воронежского ВО, в 1957-63 начальник главного управления кадров МО СССР. Генерал армии (1963). В 1963-68 командовал войсками МВО, с 1968 в Группе генеральных инспекторов МО СССР. Член ЦК КПСС 1966-71. Депутат Верховного Совета СССР 3-го, 7-го созывов. Награжден 4 орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 5 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 1 и 2 степени, Кутузова 2 степени, Отечественной войны 1 степени, медалями, иностранными орденами. Бронзовый бюст Героя установлен в Иркутске.

(Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Москва. Воениздат. 1987. Том 1. Стр. 140.) /// Андриянов П.М.

НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

В середине июня 1945 года эшелон с личным составом сводного полка 2-го Белорусского фронта отправился из Германии, из Восточной Померании, в Советский Союз, в Москву. Мы ехали на Парад Победы. Для многих из нас после Парада появлялась первая за четыре года войны возможность повидать семью. Об этом и говорили мы в дороге, обсуждали, где и как лучше провести отпуск, когда его, конечно, дадут. Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский обещал тотчас по прибытии в Москву передать мой рапорт об отпуске в Генеральный штаб.

Однако обстановка сложилась так, что с отпуском пришлось повременить. После Парада Победы, на другой день утром, Константин Константинович Рокоссовский сообщил мне по телефону, что Генеральный штаб возражает против моего отпуска. Мне было предложено явиться к двенадцати ноль-ноль к начальнику Генерального штаба генералу армии А. И. Антонову.

В назначенное время я приехал в Генштаб, в приемной увидел Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова, который с февраля 1944 года командовал войсками Карельского фронта, и члена Военного совета этого фронта генерал-полковника Т. Ф. Штыкова. Представился им, но поговорить не успели. Часы пробили двенадцать, дежурный офицер пригласил меня в кабинет генерала Антонова. С Алексеем Иннокентьевичем раньше мне не доводилось встречаться, но первое же впечатление о нем, первые же его слова подтвердили то, что слышал от товарищей: обаятельный и очень корректный человек. Генерал армии объяснил, почему придется отложить отпуск. Предстояла поездка на Дальний Восток.

- Ведь вы там служили. Места знаете, - добавил А.И. Антонов.

Действительно, места там хорошо мне знакомые. Довелось служить и в Забайкалье, и в Приамурье, и в Приморском крае. Как раз там, на юге Приморья, в районе большого озера Ханка, дислоцируются сейчас соединения 1-й Краснознаменной армии, командующим которой меня назначили. А всю

Приморскую группу войск, как сообщил Алексей Иннокентьевич, возглавил К. А. Мерецков.

Во время нашего разговора в кабинет вошел Маршал Советского Союза А.М. Василевский. Он спросил генерала Антонова:

- Приказ объявлен?

Получив утвердительный ответ, маршал сказал:

Ну вот, японских милитаристов разобьем - тогда и в отпуск. Товарищ Сталин советовал подобрать туда людей и с боевым опытом, и хорошо знающих те края. А вы же сибиряк.

Из дальнейшей беседы я узнал, что в состав Приморской группы войск помимо 1-й Краснознаменной вошли также 5-я армия генерала Н. И. Крылова, 25-я армия генерала И. М. Чистякова и 35-я армия генерала Н. Д. Захватаева. Все они прошли суровую боевую школу на фронтах Великой Отечественной войны, командовали армиями. А с Иваном Михайловичем Чистяковым и Николаем Ивановичем Крыловым мне довелось воевать на 1-м Прибалтийском и 3-м Белорусском фронтах.

Заканчивая беседу, маршал Василевский сказал, что я могу назвать тех товарищей из штаба и управления 43-й армии, с которыми сработался на фронте. Они придут в 1-ю Краснознаменную армию вслед за мной.

25 июня мы с Иваном Михайловичем Чистяковым самолетом вылетели к новому месту службы. Маршрут знакомый. Почти вся моя жизнь прошла в Сибири и на Дальнем Востоке. Вот показалась под крылом синяя лента Ангары и раскинувшийся на ее берегах Иркутск. Родные места. Здесь, на притоке Ангары, на Иркуте, в селе Акинино-Баклаши, прошло мое детство.

Помню, поздней осенью 1919 года мы, мальчишки, увидели на околице деревни незнакомого мужчину. Он вышел из тайги в порванном ватнике, с винтовкой за плечами. Молодой, бородатый, лицо как дубленое, а глаза синие, веселые. Мы уже слышали о красных партизанах, которые сражались с карательными отрядами колчаковцев, но в нашей деревне партизаны еще не появлялись.

Незнакомец действительно оказался партизаном - большевиком Уваровым. Он зашел в один дом, в другой, со-

Командующий войсками 1-й краснознаменной армии генерал-полковник Белобородов А.П. и начальник штаба 1-й краснознаменной армии генерал-майор Масленников Ф.Ф. Харбин 08.09.1945 г.

брал сход. Говорил горячо, доходчиво о том, что Красная Армия бьет Колчака, что надо всем миром подняться и пойти на Иркутск. С того дня деревня забурлила. Старший мой брат Даниил, вступив в партизанский отряд, сказал мне: «Пошли с нами!» Обрадовался я очень, а мама заплакала. Отец только глянул на Даню сурово, но не стал отговаривать. А ведь его слово было для нас закон.

Вотряд записалось около 400 человек. У многих были винтовки, принесенные еще с фронтов первой мировой войны. Уваров построил отряд, разбил его на роты и взводы, назначил командиров из старых солдат и унтер-офицеров, и мы пешком пошли на Иркутск, на Колчака. Конечно, общая картина этого восстания в колчаковском тылу стала для меня ясной много позже, а тогда, будучи 16-летним юнцом, я все представлял очень смутно. Пришли мы в иркутское предместье Глазково (сейчас Свердловский район города Иркутска), разместились в школе. Вдали, в самом городе, то вспыхивала, то затихала перестрелка. Уваров, вернувшись откуда-то, сказал, что это отряды рабочих и партизан ведут бой с белогвардейцами. Выставил дозоры, приказал спать не раздеваясь, винтовки держать в головах. Мы готовились к ночлегу, когда поблизости стали рваться снаряды. «Во двор!» - скомандовал Уваров. Мы выбежали, залегли цепью. Артиллерийский обстрел периодически возобновлялся, и мы всю ночь пролежали в снегу. Я был так взволнован и горд тем, что как настоящий красный партизан участвую в бою наравне со взрослыми, что и холода не чувствовал.

Впоследующие дни отряд прочно закрепился в Глазково. Раза три подступали к нам белогвардейцы, видел я даже их броневик. Однако до сильного боя дело не дошло. Всякий раз, попав под наш огонь, они отходили обратно в город. Потом Уваров сообщил, что восстание победило, Иркутск наш, в городе установлена Советская власть. Мы еще некоторое

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ВОЙСКА ЖДАЛИ ПРИКАЗА

время несли патрульную службу на городских улицах, стояли в караулах. Из партизанских отрядов формировались красноармейские полки, нас влили в 8-й Иркутский стрелковый полк. Командовал полком Карпицкий. В конце января наш батальон послали в тайгу, в заслон, который должен был перекрыть дорогу белогвардейцам. Говорили, что этот отряд генерала Каппеля везет на санных подводах золото, которое белые награбили еще в Казани, когда захватили кладовые с золотым запасом государственного банка. Мы ждали каппелевцев всю ночь. Мороз стоял градусов под сорок. Одет я был плохо и сильно мерз. Брат Даниил гнал меня в деревню погреться, но мне было обидно, я тянулся за ним, не желая снисхождения, и к утру околел так, что не мог уже держать винтовку. Даниил отвел меня в деревню, где я семь суток пластом пролежал на горячей русской печи. Заболели уши, перестал слышать. Меня отвезли в Иркутск, в военный госпиталь, откуда и демобилизовали по причине несовершеннолетия и болезни: глухота не

ПОРТ-АРТУР. КРЕПОСТЬ. КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ 1-Й КРАСНОЗНАМЕННОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК БЕЛОБОРОДОВ А.П. (В ЦЕНТРЕ) У ПАМЯТНИКА ЯПОНСКИМ СОЛДАТАМ, ПОГИБШИМ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1905 ГОДА

проходила, слышал я плохо.

Пришлось вернуться домой, хотя очень не хотелось. Друзья спрашивали меня «про войну», а что им ответить? Что и пострелять-то путем не удалось? Что оглушил меня не снаряд, а мороз? Что я твердо решил стать командиром Красной Армии? Глухой командир? Засмеют.

Стал я помогать отцу в крестьянской работе. Приметы нового все сильнее входили в нашу жизнь, в конце 1920 года мы организовали в селе комсомольскую ячейку, ребята и девочки избрали меня секретарем.

Весной 1923 года приехали к нам курсанты Иркутской пехотной школы, старшекурсники. Рассказывали о военной

службе, об учебе, о Красной Армии вообще. Приглашали поступать учиться в пехотную школу. Смотрел я на них подтянутых, ловких, в скрипящих ремнях командирской амуниции, - и сердце ныло, давняя мечта покоя не давала. Собрались мы, десятка два парней, пошли в Иркутск, предстали перед медицинской комиссией. Осматривали нас очень строго и тщательно, многих отсеяли по разным причинам, и когда добрались мы до кабинета врача-ушника, я уже знал: меня он не пропустит. Что, думаю, делать? Выходит из кабинета мой односельчанин Гриша Белобородов. «Ну как?» - спрашиваю. Отвечает:

«Совали трубку в уши, шептал доктор из угла, все слышу, годен к строевой службе». А надо вам сказать, что в нашем селе, наверное, половина всех жителей носила фамилию Белобородовых. Столько нас было, что даже Иванов Иванович Белобородовых насчитывалось человек пять. Так их в звали: Иван Иванович Белобородов - первый, второй, третий... Поэтому и среди поступавших в пехотную школу с этой фамилией оказалось несколько парней. Говорю Грише: «Где уж доктору нас всех запомнить? погоди малость и ступай второй раз. Вместо меня. Уважь! Моя жизнь сейчас решается. Можешь понять?» «Могу!» - ответил он. Пошел в кабинет с моими документами, и так стал я курсантом 9-й Иркутской пехотной школы, что располагалась тогда на улице имени 5-й армии, в корпусах бывшего юнкерского училища.

В сентябре начались занятия. Учебный день был заполнен до предела - ни единого свободного часа. Мы ведь все были с церковноприходским образованием, кое-как читать-писать только могли. Поэтому учебный день начинался общеобразовательными предметами - четыре часа. Потом четыре - военные предметы, после обеда - еще два часа - общеобразовательная подготовка, вечером - самостоятельная работа на два-три часа. Военное дело давалось мне легко. Особенно полюбил тактику, работу командира в поле, где нам уже на

первом курсе ставили боевые задачи за взвод - роту, где отрабатывалось взаимодействие с другими родами войск. Очень нравилась и военная топография, особенно съемка местности, но с первых же занятий понял: надо учить математику, в ней я очень слаб. А впереди была еще и артиллерия, решали артиллерийские задачи, здесь без знания математики вообще делать нечего.

Засел за учебники, сказал себе: никаких суббот и воскресений, пока не встану твердо на ноги. Да и задор был: не хочу ходить в отстающих, взялся за гуж - не говори, что не дюж. А кроме того, и общественная работа обязывала. Меня избрали секретарем комсомольской ячейки учебной группы. Надо пример показывать, и никаких скидок тут быть не может. Решил я осилить науку зубрежкой. Выучу наизусть все задания по математике, физике, химии, русскому языку, отвечу назубок, а как доходит дело до практического применения заученных правил, так и «плыву». Ясно вижу в глазах преподавателя вроде бы жалость ко мне. Вот, наверное, думает он, старается парень, а ничего-то из этого не получается. А мне эта жалость только злости придавала - на самого себя, конечно.

Преподавательский состав у нас был очень сильный: в большинстве старые офицеры, которые в этих же стенах в старое время учили юнкеров. И конечно же разница в общей подготовке между нами - рабочей и крестьянской молодежью и юношами из богатых семей, приходившими в училище еще несколько лет назад с багажом кадетского корпуса или классической гимназии, - явно бросалась преподавателям в глаза. Но надо отдать им должное: времени и сил на то, чтобы сделать из нас хорошо подготовленных командиров Красной Армии, они не жалели. Обычно после занятий до десяти вечера оставались в школе, и кто хотел учиться по-настоящему, всегда мог получить у них индивидуальную консультацию. Особенно мы полюбили командира нашего учебного взвода Иванова.

ОБСУЖДЕНИЕ КАПИТУЛЯЦИИ ЯПОНИИ

Он тоже был из старых офицеров, участник первой мировой войны, затем гражданской, член партии с 1918 года. Строгий и вместе с тем душевный человек. Умел не только рассказать, но и образцово показать, что и как надо делать, касалось ли это гимнастических упражнений на снарядах, стрельбы из всех видов стрелкового оружия или других военных предметов. Он был для нас примером, на него мы равнялись.

Заместителем комиссара нашей пехотной школы был Иван Иванович Левушкин, старый коммунист. У него мы учились тому, чего не найдешь в учебниках, учились, например, всегда подтверждать свое слово делом. Обещал что-то, хотя бы мимоходом, - умри, но выполни обещанное. Иван Иванович подготовил многих из нас к вступлению в ряды Коммунистической партии. В 1924 году, по ленинскому призыву, и я был принят кандидатом в члены РКП (б).

ВИркутске 9-ю пехотную школу знали все жители от мала до велика. Курсанты активно участвовали во всех общественных делах, показывали пример на «красных субботниках», наиболее подготовленные выступали на предприятиях как агитаторы, вели кружки военного дела на заводах и в

школах. И когда в праздничные дни наши роты «рубил шаг», люди кричали: «Браво, «девятка»! Молодцы!» Между тем первые месяцы в школе, как я ни старался, складывались для меня трудно, и вот почему. Хотя сидел на первой парте, а все равно слышал преподавателя плохо. Помучился, помучился я так - и пошел в медпункт. Осмотрел меня доктор и говорит: «Здоров как бык, а уши никуда. Молодой человек, ваши уши не вылечишь. Придется вам распрощаться с надеждой стать командиром». Не знаю уж, откуда у меня взялись в этот поистине страшный для меня миг хладнокровие и рассудительность, но я убедил доктора не отмахиваться от меня, а лечить. Стали меня лечить, временами слух улучшался, но в целом я мучился с ушами очень много лет. В 1928 году в Ленинграде один видный профессор-ушник предложил мне операцию. Однако его ассистент, осмотрев меня вторично, сказал, что успех такой операции весьма проблематичен - один процент из ста. Добавил, что организм у меня крепкий, он должен сам перебороть болезнь. И в самом деле, спустя два года я и забыл про глухоту.

В 1924 году Иркутскую пехотную школу расформировали, и заканчивали мы учебу в Нижнем Новгороде, в 11-й пехотной школе. На втором курсе я почувствовал, что усилия, которые затрачивал на усвоение азов военного дела и общеобразовательных предметов, стали приносить заметные плоды. Правила и формулы, заученные наизусть, приобретали все больший смысл, я откровенно радовался, находя новые логические связи в вещах, казавшихся ранее разрозненными. Стремление к зубрежке, возникшее по необходимости, от нужды, из-за слабой общей подготовки и физического недостатка, хорошо развило память. А так как запомнить все, сколько ни старайся, нельзя, память сама стала выделять главное, удерживать его в себе не только при работе с книгой, но и в живом повседневном деле. Много лет спустя, когда мне довелось

работать начальником штаба 43-го стрелкового корпуса, я с благодарностью вспоминал этот, так трудно доставшийся мне опыт. Возьмем, к примеру, документальное оформление приказа. Командир его отдал, сообразуясь с конкретной обстановкой. Но иногда эта обстановка меняется очень быстро, и если начальник штаба нерасторопен, если не приучил себя на лету схватывать идею командира, оформлять ее в письменном приказе и немедленно доводить до частей и соединений, то может сложиться очень трудное положение. Во-первых, успеет измениться сама боевая обстановка, а во-вторых, длительное оформление приказа отберет у войск время, необходимое для подготовки к его выполнению.

Разумеется, подобные вопросы встают перед молодым командиром далеко не сразу после выпуска из училища. Однако фундамент для правильного их решения закладывается в основном еще в курсантские годы. И надеяться на то, что кто-то и когда-то научит тебя работать над собой, научит целеустремленности и самодисциплине, не следует. Старшие товарищи могут помочь выработать эти качества, но главным был, есть и будет самостоятельный труд. «Познай самого себя», - говорят в таких случаях. Научись управлять собой, тогда научишься руководить и подчиненными. Истина старая, но тем не менее чрезвычайно актуальная и по сей день.

9апреля 1926 года нам, группе выпускников Нижегородской пехотной школы, были вручены партийные билеты. Прошло с тех пор более полувека, но я помню не только день и час этого торжественного события, но и слова, которые помощник начальника школы по политчасти Крайнев сказал мне в напутствие. Оно было душевным и строгим, как и сам этот старый коммунист. И впоследствии, когда случались у меня тяжелые дни, напутствие Крайнева и обещание, которое я ему дал, помогали принять верное решение.

В сентябре 1926 года у нас состоялся выпуск - вчерашние курсанты стали командирами Красной Армии. Я получил назначение во 2-ю Приамурскую стрелковую дивизию, в 6-й Хабаровский стрелковый полк, дислоцировавшийся в районе города Благовещенска. Встретили меня очень хорошо, и в первый же день, принимая на партийный учет, секретарь партбюро полка Владимир Николаевич Богаткин рассказал мне о боевой истории полка и всей дивизии.

Полагаю, что и самый молодой из моих читателей слышал песню, которая начинается с куплета:

***По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед,
Чтобы с бою взять Приморье
Белой армии оплот.***

Эта песня была посвящена 2-й Приамурской стрелковой дивизии, а слова про «штурмовые ночи Спасска, волочаевские дни» имели прямое отношение к боевым действиям 4-го Краснознаменного Волочаевского, 5-го Амурского и 6-го Хабаровского полков.

Дивизия формировалась из партизанских отрядов в боях с интервентами и белогвардейцами. Сначала, ранней весной 1920 года, 4, 5 и 6-й полки, тогда еще не имевшие почетных наименований, вошли в состав 2-й бригады 1-й Амурской дивизии, затем бригада была развернута во 2-ю Амурскую дивизию, а еще позже, весной - летом 1922 года, после ряда реформирований, - во 2-ю Приамурскую стрелковую дивизию{1}. Наш полк участвовал во многих славных боевых делах, но самыми крупными из них были два штурма - волочаевский и спасский. Впоследствии Маршал Советского Союза В. К. Блюхер, руководившей в феврале 1922 года штурмом Волочаевки, писал:

« 11 февраля атака Волочаевки была возобновлена, но убийственный артиллерийский и минометный огонь и проволоч-

ные заграждения опять остановили нас. 12-го вновь пошли в атаку, прокладывая свой путь через проволочные заграждения кто лопатами, кто штыком. Командиры шашками рубила заграждения, бойцы рвали проволоку руками, оставляя на ней кожу, рвали ее тяжестью своего тела. И когда в решающий момент боя единственный наш бронепоезд выпускал последние свои снаряды, а единственный танк «Рено» двигался на проволоку, сразу же подбитый противником, бойцы с криком «Даешь Волочаевку!» ворвались в расположение белых. 12 февраля станция и поселок Волочаевка была нами заняты. Противник, неся большие потери, бежал в сторону Хабаровска».

В заключение этой статьи В. К. Блюхер писал: «Как со взятием Перекопа был нанесен сокрушительный удар врангелевщине, удар на юге, так под Волочаевкой был нанесен окончательный удар белогвардейщине и интервенции на Дальнем Востоке. Волочаевская эпопея показала всему миру, как умеют драться люди, желающие быть свободными...»{2}.

Сравнение штурма Волочаевки со штурмом Перекопа было особенно весомо, потому, что сделал его Василий Константинович Блюхер, который за пятнадцать месяцев до этого командовал знаменитой 51-й стрелковой дивизией, прорвавшейся через укрепления Турецкого вала в Крым.

Если при штурме Волочаевки особенно отличился 4-й Волочаевский полк, то восемь месяцев спустя, в октябре 1922 года, при штурме фортов Спасска в Южном Приморье главную роль сыграли 5-й Амурский и 6-й Хабаровский полки 2-й Приамурской дивизии. Эти части в жестоком бою прорвали вражеские укрепления, перекрывавшие железную дорогу Хабаровск - Владивосток, и погнали белогвардейцев к границам Маньчжурии. Японские оккупационные войска были поставлены перед проблемой: либо возобновить открытые военные действия против армии Дальневосточной республики,

либо оставить Владивосток и убраться восвояси. Они предпочли второе. 25 октября части Народно-революционной армии вступили во Владивосток. За боевые подвиги более чем 60 бойцам, командирам и политработникам 6-го Хабаровского стрелкового полка были вручены ордена Красного Знамени.

Вот вкратце история боевых действий 2-й Приамурской дивизии и ее 6-го Хабаровского полка, в котором мне довелось начать свою службу в качестве командира пулеметного взвода. Был я очень молод, молодости свойственно ошибаться, случилась такая ошибка и со мной. В пехотной школе я сам не позволял себе тратить ни часа свободного времени на пустяки, а здесь, достигнув какой-то определенной ступени, став командиром, расслабился. В полку было несколько бывших офицеров царской армии. Хорошие служаки, имевшие солидную теоретическую подготовку и большой боевой опыт, они помогли встать на ноги многим молодым красным командирам вроде меня. Однако они принесли с собой и некоторые привычки старого офицерства. Досуг, к примеру, любили проводить за преферансом. Втянулся в эту игру и я. Просижу ночь за картами, а днем в воскресенье сплю. Ничего не читаю, а ведь и в те годы издавалось немало военной литературы по самым разным и очень интересным вопросам.

Говорит мне как-то командир батальона Сувырин:
- Как проводить свободное время, дело твое, однако подумай над тем, что я скажу. Претензий по службе к тебе не имею. Ты только что из военной школы, у тебя есть определенный багаж знаний. Его хватит на какое-то время. Потом почувствуешь, что он израсходован, а новых пополнений к нему не сделал. Годы прошли, а ты топчешься на месте. Спыхватишься, и окажется, что не только потерял дорогое время, но потерял и еще более существенное - привычку работать над собой. Ты читал сборник «Тактика в примерах»? Составил Суворов.
- Александр Васильевич? Знаменитый полководец?

- Нет, не Александр Васильевич. В сборнике, кстати, есть и статьи наших однополчан о боевых действиях 6-го Хабаровского. Как же так? В книге обобщен самый современный опыт тактики мелких подразделений в мировую и гражданскую войны, это же твой хлеб, а ты проморгал его за преферансом.

Молчал я, стыдно стало. Побеседовал со мной и секретарь партбюро Богаткин.

- Как по-твоему, что главное в нашей службе? - спросил он.

- Знания и опыт! - не задумываясь ответил я.

- Это само собой разумеется, - согласился он. - Но твои знания ничего не стоят, если не умеешь передать их бойцам. А хороший педагог учит не только наказом и показом, но и своим примером, своим отношением к службе. Командир Красной Армии всегда на виду. Его слабости вызывают со стороны красноармейцев, как, минимум, снисходительное к нему отношение. Есть у тебя во взводе нерадивые?

- Есть.

- Ты толкуешь им о необходимости самодисциплины?

- Да.

- А сам? Ты сам показываешь им пример самодисциплины? Сколько у тебя неграмотных и малограмотных бойцов?

- Больше половины.

- А ты вместо того чтобы в выходной день позаниматься с ними, тратишь время на ерунду, которая ни уму ни сердцу!

Эти беседы с Сувыриным и Богаткиным, коммунистами, которые сами были для меня примером отношения к службе и к окружающим людям, которые прежде всего думали о коллективе, заставили меня всерьез задуматься и о сегодняшнем дне, и о будущем.

Были у меня и другие ошибки, и сегодня я с благодарностью вспоминаю старших товарищей, оказавших мне в молодые годы помощь, значение которой я полностью оценил лишь впоследствии. А с Владимиром Николаевичем Богатки-

ным меня еще не раз сводили жизненные пути-дороги. Высокие посты, которые он занимал (в годы Великой Отечественной войны он был членом Военного совета Северо-Западного, 2-го Прибалтийского, Ленинградского фронтов), не изменили его натуры. Об этом рассказывали мне и общие наши друзья, в этом я убедился и сам. Владимир Николаевич остался таким же простым, умным, отзывчивым, человечным. Верным бойцом партии, хорошим товарищем и настоящим комиссаром, каким был и в молодые годы, когда под Волочаевкой поднял бойцов 6-го Хабаровского полка на штурм укрепленной сопки Июнь-Корань и первым бросился на колючую проволоку, за что был удостоен высшей тогда награды - ордена Красного Знамени.

Жесткая переоценка собственного поведения, взгляд на себя со стороны - все это далось мне не просто и не безболезненно. Я понял, что командир Красной Армии не имеет морального права делить свое время на две искусственные категории: на время служебное и внеслужебное, что подобное раздвоение в конце концов приносит вред и воинскому коллективу, и тебе самому. А поняв это, по-иному взялся за дело. Летом 1927 года у нас состоялись очередные состязания пулеметных взводов. В их программе были 20-километровый марш, преодоление полосы препятствий и пулеметные боевые стрельбы. Нашему взводу удалось занять первое место сначала в батальоне, затем в полку и дивизии. Переходящий вымпел вручал нам в торжественной обстановке командир дивизии Иван Васильевич Онуфриев. Его знал тогда весь Дальний Восток. Выдающейся храбрости был человек и мастер военного дела. В гражданскую войну в боях против Колчака командовал полком, заслужил два ордена Красного Знаменит. Да и внешне был очень представительным. Почти двухметрового роста, 135 килограммов веса, одной рукой мог поднять на воздух рослого и плотного человека. И вот стоит он перед нашим взводом, за-

городив плечами восходящее солнце, и говорит неторопливо, басом:

- Благодарю за службу, товарищи пулеметчики! Взять первое место трудно, еще труднее его удержать. Постоянство - самый надежный признак боеспособности подразделения. Надеюсь, в следующем году вы это подтвердите на состязаниях.

Имы это подтвердили. Хорошо шел взвод и по политической подготовке. Я много занимался общественной работой, выполнял различные партийные поручения, товарищи избрали меня в партийное бюро полка. Видимо, все это, вместе взятое, и послужило поводом для следующего случая. Летом 1928 года меня вызвал комиссар полка Лапшин. Сказал, что командование решило послать меня в Ленинград, на Военно-политические курсы имени Ф. Энгельса .

Десять месяцев, проведенные на курсах, всем нам дали очень много. Лекции читали не только штатные преподаватели, но и партийные работники руководители Ленинградской партийной организации, старые коммунисты с подпольным стажем. Общение с ними, их живые, конкретные рассказы о становлении большевистской партии, о Владимире Ильиче Ленине, о практических проблемах тех, что уже решены, и тех, которые решаются сегодня, ввели нас в самую гущу жизни Ленинградской партийной организации - одной из крупнейших в стране.

В сентябре 1929 года, после сдачи экзаменов, нас распределили по частям. Меня назначили политруком пулеметной роты в стрелковый полк 4-й Туркестанской дивизии, дислоцировавшийся в Ленинграде. Получив документы, отправился в казармы туркестанцев, представился командованию. В понедельник должен был выйти на работу, но в воскресенье вечером меня опить вызвали к начальнику Военно-политических курсов. Вхожу в кабинет, там сидят кроме начальника курсов еще два политработника - один с двумя ромбами на петличках

гимнастерки, другой - с тремя. Старший из них спросил меня:

- Вы, конечно, знаете, что китайские милитаристы уже давно устраивают военные провокации на линии Китайско-Восточной железной дороги и наших границах?

- Знаю.

- Ваше назначение в четвертую Туркестанскую отменяется, - продолжал он. Документы у вас при себе? Хорошо. Вот вам новое предписание. Вы назначены политруком батареи в тридцать шестую Забайкальскую стрелковую дивизию, в сто седьмой Владимирский стрелковый полк.

- Есть, в сто седьмой Владимирский! - ответил я. Он вручил мне билет на читинский поезд, на вторник, спросил:

- Все ясно, товарищ Белобородой?

- Так точно!..

За Читой поезд свернул на юг, к границе. На месте дислокации полка я уже не застал, он выступил в район, хорошо известный всем старым дальневосточникам, - станция Мацевская, разъезд «86-й километр». Разъезд стоял на самой границе, по ту сторону которой, на китайской территории, находилась станция Маньчжурия, а еще далее город и станция Чжалайнор. На 86-м километре, в отцепленном вагоне, я нашел штаб полка. Его командиром оказался Леонид Андреевич Бакуев, бывший командир батальона в 6-м Хабаровском полку. Конечно, обрадовался я этой встрече, вспомнили с ним однополчан, он и говорит:

- Ты же пулеметчик, зачем тебе идти в артиллерийскую батарею? У нас нет политрука в девятой стрелковой роте. Согласен?

- Согласен.

Кстати сказать, дальнейшая моя служба сложилась так, что со многими однополчанами по 6-му Хабаровскому довелось воевать и в годы Великой Отечественной войны. А сам полк, называвшийся тогда уже 40-м Хабаровским стрелковым,

входил в состав 78-й стрелковой дивизии, которую я принял летом 1941 года. В битве за Москву дивизия стала 9-й гвардейской, а Хабаровский полк - 18-м гвардейским. Он сыграл главную роль в оборонительных боях под Истрой, затем освобождал этот город, отлично сражался на Юго-Западном фронте, был удостоен ордена Красного Знамени и с честью и славой прошел боевой путь в составе 9-й гвардейской дивизии до самого конца Великой Отечественной войны.

В 107-й Владимирский полк я прибыл в сентябре, когда белокуитайцы и русские белогвардейцы особенно усилили свои провокационные вылазки на советско-китайской границе. Они вели постоянный артиллерийский и пулеметный обстрел наших приграничных сел и станиц, совершали вооруженные нападения. Дело осложнялось еще и тем, что граница была практически открытой, погранзаставы редкими, поэтому сами пограничники не могли достаточно плотно прикрыть даже крупные населенные пункты. Этим и пользовались китайские милитаристы. Их отряды проникали на нашу территорию, грабили местных жителей, уводили скот.

В ноябре этим провокациям был положен конец. В Даурии сосредоточились войска Забайкальской группы Особой Дальневосточной армии в составе 21, 35 и 36-й стрелковых дивизий, 5-й отдельной кавалерийской бригады и других частей. Советским войскам противостоял бело-китайский Северо-Западный фронт, главные силы которого располагались в районе станций Маньчжурия, Чжалайнор (около 15 000 человек), а резервы - в районе Хайлар, Цаган (около 5000 человек).

В природном отношении, край этот очень суров. Лесов нет - песок, да камень, да голые сопки. Воды нет, ее нам подвозили по железной дороге. Зима с пронизывающими морозными ветрами начинается рано, снегу задержаться негде, пылевые смерчи гуляют по открытым местам, поэтому даже в 30-35-градусные морозы Даурия выглядит серо-желтой. Труд-

ный для боевых действий район, особенно для кавалерии, для тыловых частей с их конными обозами.

Линия Китайско-Восточной железной дороги от станции Маньчжурия к станции Чжалайнор тянулась почти параллельно границе. Соответственно располагались и вражеские войска, причем основную группировку генерал Лян Чжунзян выдвинул прямо к границе, а фланг у Чжалайнора прикрыл более слабыми силами. Это обстоятельство и учел командующий Забайкальской группой войск Степан Сергеевич Вострецов - герой гражданской войны, награжденный четырьмя орденами Красного Знамени. По плану операции 35-я и 36-я стрелковые дивизии и 5-я кавбригада наносили удар на Чжалайнор, с тем чтобы перерезать железную дорогу, обойти с тыла главные силы противника в городе Маньчжурия и во взаимодействии с другими войсками Забайкальской группы окружить их.

Утром 17 ноября наши войска начали наступление. Было еще темно, когда 107-й Владимирский полк вышел к железной дороге примерно на половине пути между станциями Маньчжурия - Чжалайнор. Впереди виднелась сопка с приплюснутой вершиной, за ней гряда более высоких холмов. Оттуда противник вел сильный ружейно-пулеметный огонь. По приказу командира роты Лепешко мы развернулись в цепь, перебежками двинулись к сопке. Огонь усилился, появились первые раненые, рота залегла. Лепешко поднялся во весь рост: «Товарищи, за мной, вперед, ура!» И тут же упал, сраженный пулей. Кинулся я к нему - убит! Не могу сказать, что в этот момент я думал как-то связно. Одна только мысль была:

«**К**омандир убит, я политрук, на меня смотрят бойцы, я должен...» Вскочил, что-то крикнул, побежал к сопке. Земли под собой не чувствовал, за спиной слышал топот сапог, пули посвистывали, свежевырытые окопы, чернеющие бруствером, будто сами надвигались на меня, оттуда вылезали люди в черной одежде и бежали врассыпную от нас вверх по склону

сопки. Меня обогнал командир взвода Уналов и еще кто-то. Прыгнули в окопы, в них только убитые белокитайцы. «Вперед!» Выскочили на плоскую вершину.

Уже рассвело. Внизу тускло поблескивали рельсы железной дороги. Через них к гряде холмов и выше, по их скатам, бежали толпы белокитайцев. Открыли мы огонь, вступила в дело и наша артиллерия, снаряды рвались среди мечущихся китайских милитаристов. Появился наш командир батальона Левченко, я доложил ему, что Лепешко убит. «Веди роту!» приказал он. Наступаем на Чжалайнор вдоль железной дороги. Батальон развернулся фронтом на юго-восток, двинулись к Чжалайнору. В сумерках подошли к окраинным домикам, оттуда били пулеметы и артиллерия. Поступил приказ окопаться.

Утром пошли в атаку, но сильный артиллерийский огонь опять заставил залечь. Вижу, к нам с тыла быстро идет высокий человек в кожаном реглане и летном кожаном шлеме. Когда подошел ближе, я узнал в нем Степана Сергеевича Вострецова, которого видел недавно на партактиве дивизии. Вскочив, хочу доложить, но он жестом остановил меня. Спросил:

- Лежим?

- Так точно, товарищ командующий!

- Страшно?

- Так точно!

- А на партактиве ты выступал смело, - напомнил он.

Пули свистят, неподалеку рвутся снаряды, мне бы упасть плашмя, прижаться к земле, но командующий стоит, стою и я.

- Где командир батальона? - спросил он.

Указываю ему бугор справа, где должен быть комбат. Оттуда кто-то бежит к нам, и в этот момент вокруг нас снова стали рваться снаряды. Я и сам не заметил, как оказался на коленях, за спиной у командующего. Кругом грохочет, а он и не

пошевелинулся, слышу его слова:

- Срам какой! Пуле кланяется.

Вскочил я как пружинной подброшенный. Думал, к моей позе относится эта реплика. Нет, кажется, не ко мне. Смотрит он куда-то в сторону, взглянул и я. Там кто-то из командиров, как говорится, нюхал землю носом. Командующий пошел туда вдоль цепи.

Между тем артиллерийский огонь противника все усиливался, срывая наши попытки ворваться в город. Прошел час, а может, и больше. Потом после боя командир полка Бакуев и другие товарищи спрашивали меня, как наша 9-я рота оказалась у противника в тылу, на чжалайнорском мосту. А дело было так. Осмотрелся я на местности, увидел слева лощину, приказал двигаться по ней: может, выведет к городу? А она вывела нас еще дальше. Слышу, разрывы снарядов все глуше, взобрался по откосу наверх, вижу справа дома Чжалайнора, прямо впереди - насыпь железной дороги, слева, совсем близко, - железный мост, на нем около пулемета снуют белокитайцы в черных ватных куртках. Подобрались мы к ним по лощине, ворвались на мост, перебили охрану. А когда из Чжалайнора к мосту двинулась пехота противника с артиллерией и обозом, мы встретили ее огнем и отбросили назад - прямо на штыки ворвавшихся в город 106-го Сахалинского, 107-го Владимирского и 108-го Белореченского полков.

Уйти в тыл, к Цагану, минуя мост, белокитайцы не смогли. Речной лед покрыла вода: видимо, где-то выше по течению взорвали плотину. Бросая орудия и обозы, солдаты и офицеры противника метались вдоль берега, но всюду их настигали конники комбрига Рокоссовского и отдельного бурят-монгольского кавалерийского дивизиона.

Наш полк двинулся из Чжалайнора обратной дорогой и, совершив марш, на следующий день вышел к станции Маньчжурия. Здесь мы дрались около суток. Главные силы генера-

ла Лян Чжуцзяна, окруженные частями 35-й и 36-й дивизий, попытались прорваться, но были с большими потерями отброшены. 20 ноября утром огонь белокитайцев почему-то вдруг стих - ни одного выстрела не слышно. Смотрю - к разъезду движется с тыла открытая легковая автомашина, а в ней командующий Вострецов и комиссар 18-го стрелкового корпуса Зайцев. Подъехали, Степан Сергеевич Вострецов приказал: «Прекратить огонь, ждем парламентариев». Спустя некоторое время со стороны города показалась легковая закрытая машина с белым флагом. Проехала через нашу цепь, из нее вышел мэр города Чжалайнора, как нам потом стало известно, и еще какие-то штатские. Переговоры были короткими. Мэр хотел выговорить условия, на которых должен был сдаться генерал Лян и его войска, но Вострецов сказал: «Никаких условий. Капитуляция - вот и все условия».

Они еще о чем-то коротко переговорили, и командующий приказал мне выделить взвод красноармейцев. Они разместились на грузовике и вслед за машинами Вострецова и мэра города поехали в Чжалайнор. Командир взвода Полянский потом рассказал нам про эту поездку. Белокитайцы в полном вооружении шпалерами стояли вдоль улиц до самого штаба Северо-Западного фронта. Когда вошли в штаб, генерала Ляна там не нашли. Вострецову сказали, что он сидит в японском консульстве и просил прийти туда. Но Степан Сергеевич ответил, что ждет его в штабе, и немедленно. Китайский генерал быстро туда явился, и вскоре мы уже принимали пленных и оружие. Всего сдалось более восьми тысяч солдат и офицеров противника, в том числе и штаб генерала Ляна. Было захвачено много военной техники.

День спустя нас опять направили к Чжалайнору и дальше вдоль Китайско-Восточной железной дороги. Наш полк вступил в Цаган, а 106-й Сахалинский во главе с командующим занял город Хайлар. Взятие Хайлара открывало путь к центру

Северной Маньчжурии городу Харбину. Столь же успешными были и боевые действия советских войск на всех других операционных направлениях. Китайские милитаристы во главе с Чжан Сюэляном, опасаясь полного разгрома, вступили в переговоры. Вскоре конфликт был урегулирован, советские войска вернулись из Маньчжурии на Родину.

За успешное выполнение боевых заданий по защите дальневосточных границ Особая Дальневосточная армия была награждена орденом Красного Знамени. Этого же ордена удостоились более 500 бойцов, командиров и политработников. В нашей роте орден Красного Знамени получили 11 человек, в числе других вручили его и мне.

После окончания боевых действий 36-я Забайкальская дивизия разместилась на прежнем месте дислокации. Меня назначили командиром учебной роты. Это подразделение, в котором проходили службу бойцы с высшим и средним специальным образованием. В общем контингенте призывников таких бойцов в те годы было мало, программу они, естественно, усваивали гораздо быстрее, чем остальные, да и бурно развивавшееся народное хозяйство испытывало острую нужду в специалистах. Поэтому для них установили сокращенный срок службы - один год.

Таким образом, я опять перешел с политической работы на строевую. Произошло это не само по себе. Сначала мне предложили более высокую должность политработника. Но я заставил себя сесть и крепко подумать. И впервые слово «призвание» обрело смысл. В чем оно, мое призвание? Да, опыт партийно-комсомольской работы есть, да, я всегда любил ее и выполнял охотно, будучи комсоргом, парторгом, членом партбюро. Но это была все-таки общественная нагрузка. Вспомнил всех политработников, общение с которыми уже оставило заметный след в моей жизни. Комиссар - это не должность, думал я, это - призвание. В каждом из них были какие-то чер-

ты, которым хотелось подражать, которые я старался перенять. Но одно дело брать себе в пример старшего партийного товарища, а другое - самому быть таким примером, и не только в исполнении прямых служебных обязанностей, но и во всей повседневной жизни, в самых разнообразных ее проявлениях. Готов ли ты, Белобородов, к этому? Будь откровенен: не готов. Несколько месяцев пробыл политруком роты, справлялся со своими обязанностями - иначе и не предложили бы повы-

шение. Но все это время тебя тревожили и даже мучили такие, например, моменты. Ставят нашей роте боевую или учебную задачу. Решение должен принять командир роты, он его принимает, а в тебе все кипит: не так надо, наверное, не учел он того-то и того-то. Прав ты или не прав - это другой вопрос. Главное в том, что в подобных ситуациях чувствуешь себя не на своем месте. Иногда потом ночь не спишь, мерещится бой - настоящий или учебный, местность видишь до малого кустика, видишь себя командиром роты и - что там греха таить! - всегда выигрываешь бой. Утром от этих ночных бдений болит голова, а толку чуть. Словом, моим призванием, как я тогда чувствовал, был строй, строевая командирская работа.

Стех пор прошло много лет. Мне довелось быть свидетелем, как даже зрелые во всех отношениях люди находили себя в новой для них специальности. Знаю артиллеристов, которые становились отличными командирами стрелковых дивизий, корпусов, командующими общевойсковыми армиями. Знаю крупных политработников, ставших превосходными строевыми командирами, и, наоборот, строевых командиров, нашедших истинное свое призвание в политработе. Проблема эта достаточно сложна, но, полагаю, вряд ли кто возразит против того, что, чем раньше военный человек определит свое настоящее место в строю, тем больше пользы принесет он нашей армии, тем лучше будет чувствовать себя и сам. А моральное удовлетворение от собственной работы, как мы знаем, играет далеко не последнюю роль в жизни каждого.

Иеще об одной важной проблеме хотелось бы сказать - о семье. О ней сейчас много пишут и дискутируют в нашей печати. Не секрет, что служебная деятельность мужа и жены, будущее их детей во многом зависят от взаимоотношений, складывающихся в семье. Уже после Великой Отечественной войны мне пришлось некоторое время работать в Главном управлении кадров. Бывали случаи: получает командир новое назначение в необжитые места - и тут начинается разговор о семье: дескать, середина года, детей надо временно отрывать от учебы, жена готовит диссертацию, какой-то родственник на попечении и так далее. Все мы и на собственном опыте знали, как трудно менять налаженную жизнь, старались всячески облегчить перевод. Но ведь служба есть служба, надо ехать выполнять приказ. Говоришь это получающему новое назначение, он внешне как будто согласен, но внутренне, чувствуешь, обижен.

Ксожалению, подобные «невоенные» беседы с военными людьми не были единичными. Вспоминал я в эти минуты свою жизнь. Возможно, что мне с семьей повезло, и поэтому

никаких затруднений в многочисленных своих переездах с места на место я не испытывал. Получу, бывало, предписание, отвечу: «Есть, выехать к новому месту службы!» - и, явившись домой, скажу своей Зине: «Пакуй чемоданы». «Есть, паковать чемоданы! - шутливо ответит она и уже потом осведомится: - Далека ли путь-дорога?» А ведь она была не только домашняя хозяйка, у которой двое мальчишек на руках. За время наших с ней переездов она успела с отличием закончить педагогический институт, стала учительницей. Не говорю уже про общественную работу, которую жена по собственной инициативе вела везде и всюду, куда забрасывала нас военная судьба.

Зинаида Федоровна была настоящей женой командира. Ни разу не слышал я от нее жалоб или сетований на трудности, хотя приходилось нам жить и в землянках. Она и скромное жилище умела устроить так, что к нам, как говорится, на огонек всегда собирались однополчане. Беседовали, спорили, обменивались впечатлениями о прочитанных книгах, о просмотренных кинофильмах. Каждый, кому доводилось служить в отдаленных гарнизонах, знает, как это важно и нужно - иметь дом, где тебя встречают с радушием - жданный ты гость или нежданный. Сам я на такие вещи не мастер, но жена сделала наш дом открытым для всех, кто хотел товарищеского общения.

Около четырех лет прослужил я в 107-м стрелковом полку в Забайкалье, в таежной деревушке. Как-то прислали нам из штаба округа толстую книжку программу экзаменов в Военную академию имени М. В. Фрунзе. Пролистал я программу и усомнился. Математика, физика, химия в таком объеме, что вряд ли мне по плечу. А Зина говорит: «Надо тебе готовиться». Установили мы с ней жесткий режим занятий: в будни - по два часа, в субботу - четыре, в воскресенье - шесть, отпускные поездки отменяются. Более двух лет провел я в этом режиме. Большую помощь оказали мне бойцы-одногодичники, среди

которых были и кандидаты наук. В 1933 году сдал экзамены сначала в штабе дивизии, затем в штабе Забайкальской группы войск. Послали меня с несколькими товарищами в Москву, в академию.

Экзамены в Москве были очень трудными. За 45 дней нужно сдать 17 предметов. Экзамен по географии принимал преподаватель с ромбом в петлицах. Я его сразу узнал, но, разумеется, промолчал. Беру билет. Первый вопрос Саратовская область, второй - по зарубежной географии. Подготовился и, когда подошла очередь, вышел к карте. А преподаватель смотрит на меня и спрашивает:

- Из каких краев к нам прибыли?

- Из Читы.

- Давно в армии?

- С девятнадцатого года, но был перерыв по болезни.

- А службу начали в Чите?

- Нет, в Иркутске.

- В каком полку?

- В восьмом Иркутском стрелковом.

- А, случаем, не помните, кто был командиром полка?

- Вы, товарищ Карпицкий. У меня сохранился документ с вашей подписью.

Показал ему справку, в которой сказано, что я уволен из Армии в апреле 1920 года по болезни и несовершеннолетию. Прочитал он и даже растрогался. Да и я тоже. Но воспоминания воспоминаниями, а экзамен экзаменом. Получил я по географии четверку, пошел дальше. В общем, набрал необходимое количество баллов, приняли на первый курс.

Проучился месяцев шесть, вдруг вызывают к начальнику факультета. Он сообщил, что есть приказ, по которому меня переводят на другой факультет специальный. Я, конечно, сразу же попросил оставить меня на общевоинском факультете, он ответил: «Пишите рапорт начальнику академии».

Написал и сгоряча, по молодости, переборщил. По рапорту выходило, что нет для меня воинской службы, кроме строевой, командирской. Писал, как думал.

Вызвали меня к начальнику академии Борису Михайловичу Шапошникову.

- Что же вы, голубчик, отказываетесь? - спросил он.

- Товарищ начальник академии, я хочу быть строевым командиром.

- Это хорошо, - заметил он. - Однако слово «хочу» не совсем уместно, когда приказ уже отдан.

Он, начальник академии, объяснял мне элементарные основы воинской этики, а я этого не понял. Не осознал еще в ту пору, что дружелюбный тон старшего начальника, его желание убедить тебя вовсе не означают разрешения возражать. И, хотя никаких других доводов, кроме «хочу быть строевым командиром», у меня не нашлось, я продолжал отказываться.

Ну как реагировал бы на такое поведение старший начальник, окажись на месте Бориса Михайловича Шапошникова кто-то менее терпеливый, с меньшим педагогическим опытом?? Вероятнее всего, скомандовал бы: «Кругом! Шагом марш!» Но Борис Михайлович прежним спокойным тоном сказал:

- Это приказ наркома обороны. Отменить его я не могу. Значит, у нас с вами два выхода: либо переходите на другой факультет, либо возвращаетесь в свой полк. Ступайте, голубчик, в приемную, остыньте, подумайте. А когда подумаете, приходите. Даю вам час на размышление.

Хаос был в моих мыслях, пока я сидел в приемной. С таким трудом попал в академию, так все было здесь интересно, нужно, каждый день приносил такое удовлетворение, и вот... Но посидел, остыл и понял, что веду себя неправильно. Надо продолжить учебу. А строевым командиром я все равно буду. С тем и вернулся в кабинет.

- Правильно! - ответил Борис Михайлович. - Будете. А знание английского и японского языков не помешают. Есть очень верная пословица: человек живет столько жизней, сколько языков он знает. Ступайте, учитесь.

В ноябре 1936 года, на полгода раньше срока, мы сдали государственные экзамены, защитили дипломные работы. После окончания академии я опять получил назначение в Особую Краснознаменную Дальневосточную армию - на этот раз в Приморье, на берега Уссури, - на должность помощника начальника оперативной части штаба 66-й стрелковой дивизии. Незадолго до этого были введены новые воинские звания, мне присвоили звание старший лейтенант.

Первый день в 66-й дивизии начался для меня с ответственного поручения. После того как я представился командиру дивизии комбригу К. И. Петрову, он сказал:

- Вы у нас первый с академическим образованием, вам и карты в руки. Разработайте тыловое дивизионное учение. Срок - четыре дня.

В срок я уложился. Помог мне начальник штаба дивизии Александр Сергеевич Ксенофонтов. Мы с ним как-то сразу понравились друг другу, подружились и дружбу эту пронесли потом через все испытания Великой Отечественной войны. Комбриг Петров просмотрел составленный план тыловых учений, утвердил его и приказал мне возглавить штаб руководства учениями. Так, буквально с поезда пришлось с головой окунуться в жизнь и учебу этого соединения.

Вскоре я стал начальником оперативной части штаба, а когда Ксенофонтова назначили командиром 21-й Пермской дивизии, продолжительное время исполнял обязанности начальника штаба 66-й дивизии. Положение тогда было тревожное. Японцы, захватив Маньчжурию, устраивали провокации на границах. По сведениям, которыми мы располагали, японская Квантунская армия усиленно готовила в Вос-

точной Маньчжурии исходный плацдарм для наступления на Советское Приморье. С точки зрения оперативной железная дорога Хабаровск - Владивосток, проходившая поблизости от границы, была весьма уязвимой. Отсюда и задача наших сил прикрытия, в том числе и 66-й дивизии: в случае наступления противника немедленно нанести контрудар, не допустить выхода агрессора на единственную нашу железнодорожную коммуникацию, разгромить врага в приграничном сражении.

Части нашей дивизии интенсивно готовились к отпору японским милитаристам. Учения с боевыми стрельбами следовали одно за другим. Так же энергично готовились и соединения Особой Краснознаменной Дальневосточной армии на других операционных направлениях. Напряженная учеба, проходившая в обстановке, максимально приближенной к боевой, в заболоченной горной тайге, дала свои плоды в 1938 году, когда Квантунская армия устроила военную провокацию на юге Приморского края, у озера Хасан. Противник был разгромлен и отброшен с советской территории в Маньчжурию. В следующем году японцы еще более крупными силами вторглись на территорию братской Монголии и опять потерпели сокрушительное поражение в боях у реки Халхин-Гол.

В марте 1939 года я был назначен начальником оперативно-го отдела штаба 31-го стрелкового корпуса, а в июне служба снова свела нас с Александром Сергеевичем Ксенофонтовым. Он был назначен командиром 43-го стрелкового корпуса, я - начальником штаба. Неофициально корпус называли ударным. И действительно, это было очень сильное соединение. В каждой стрелковой дивизии - по два артиллерийских полка, по танковому батальону, стрелковые полки укомплектованы по штатам военного времени, хорошо оснащены легкой и противотанковой артиллерией, минометами и пулеметами. Причем все бойцы были кадровой службы, почти половина личного состава являлись коммунистами и комсомольцами.

Хорошо были подготовлены и штабы. Самым тщательным образом изучался театр возможных военных действий, опыт русско-японской войны 1904-1905 годов. Соответственно планировались и проводились различные учения. В январе 1941 года на базе штаба 43-го корпуса был сформирован штаб 25-й армии, меня назначили начальником оперативного отдела, а вскоре - начальником отдела боевой подготовки Дальневосточного фронта. Работы было много, особенно увеличился ее объем в июне сорок первого года, когда гитлеровская Германия начала войну против нашей Родины, а здесь, на Дальнем Востоке, японские милитаристы развертывали мощную Кван-тунскую армию близ советско-маньчжурской границы. В июле - августе сорок первого, да и в дальнейшем, мы ждали нападения противника со дня на день: настолько явными и недвусмысленными были его приготовления.

В июле моя просьба о переводе из отдела боевой подготовки в строй была удовлетворена командованием Дальневосточного фронта. Меня назначили командиром 78-й стрелковой дивизии, с которой в октябре выехал на запад, на фронт, под Москву. И вот три с половиной года спустя я опять возвращаюсь домой. Именно домой, в 1-ю Краснознаменную армию. В ней, называвшейся тогда Особой Дальневосточной армией, начинал командирскую службу. В ее 36-й дивизии воевал с белокитайцами на сопках Северо-Западной Маньчжурии, в 66-й и 78-й дивизиях служил в Приморье. В общем, вся жизнь как бы заново прошла передо мной, пока мы с Иваном Михайловичем Чистяковым летели на самолете из Москвы на Дальний Восток.

Мелькнула под крылом Волочаевка, потом станция Ин, показались пригороды Хабаровска и знаменитый Амурский мост - безмолвный свидетель ожесточенных боев с белогвардейцами и японскими интервентами в годы гражданской войны. От Хабаровска самолет резко изменил курс на юг и вдоль железной дороги направился в сторону Владивостока, к городу Ворошилов-Уссурийск, к месту посадки.

О МАНЬЧЖУРСКОМ ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В сорок пятом году назвать Маньчжурию новым для нас театром военных действий можно было лишь весьма относительно. Много крупных боевых событий произошло в этом краю, на северо-востоке Китая, с начала двадцатого века. Так что и нашим отцам и дедам, солдатам русско-японской войны 1904-1905 годов, и нам, начавшим воинскую службу в двадцатых годах, довелось изучить этот театр не только теоретически, но и практически.

В войну 1904-1905 годов основные сражения между русскими и японскими армиями разыгрались в Южной Маньчжурии и на Ляодунском полуострове, на пространстве, ограниченном с юга крепостью Порт-Артур, а с севера так называемыми

Сыпингайскими позициями, куда отошли и где заняли оборону русские войска после неудачного сражения под Мукденом.

В 1929 году, в ходе спровоцированного китайскими милитаристами конфликта и ответного удара частей Красной Армии, боевые действия развернулись на северо-западе, севере и северо-востоке Маньчжурии, на хайларском, фугдинском (сунгарийском) и мишаньском направлениях. С 1931 года, после того как японская военщина оккупировала Маньчжурию, вся советская граница уже надолго стала объектом провокаций - на этот раз со стороны Кватунской армии. И тот факт, что Дальневосточный фронт был создан еще приказом НКО от 28 июня 1938 года, говорит об угрозе, постоянно нависавшей над советским Дальним Востоком, и крупных контрмероприятиях советского командования. Для нас, старых дальневосточников, создание этого фронта не было явлением формальным. Мы действительно работали и несли службу в условиях, очень близких к фронтовым. Затишье на границе часто взрывалось новой японской провокацией, новым боем, а иногда и сражением с участием сотен артиллерийских стволов, сотен танков и самолетов. Так случилось в 1938 году в районе озера Хасан, затем в 1939 году на границе Монгольской Народной Респу-

блики, на реке Халхин-Гол. Разгром, который потерпела японская Квантунская армия в этих боях, охладил воинственный пыл ее генералитета и тех вдохновителей агрессии, которые заседали в токийских дворцах. Однако лето сорок первого года, нападение фашистской Германии на Советский Союз, вновь оживило былые надежды. Квантунская армия получила триста тысяч человек пополнения из Японии, дивизии придвинулись к нашим границам. Казалось, что план вторжения, закодированный как «Кантокуэн» («Особые маневры Квантунской армии»), начнет скоро осуществляться. Но неделя шла за неделей, месяц за месяцем, а развязать войну против СССР японский генералитет все не решался. В сентябре 1941 года, объясняя эту нерешительность, немецкий посол в Японии Отт писал в Берлин: «Ввиду сопротивления, оказываемого русской армией такой армии, как немецкая, японский генеральный штаб не верит, что сможет достичь решающего успеха в войне против России до наступления зимы. Сюда также присоединяются воспоминания о Намонганских (Халхин-Голских) событиях, которые до сих пор живы в памяти Квантунской армии». Ввиду этого «императорская ставка недавно приняла решение отложить на время действия против Советского Союза»{4}.

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой, затем под Сталинградом и на Курской дуге заставил японский генеральный штаб стать еще более осторожным в осуществлении своих давних планов захвата советской территории. Однако из наступательных в оборонительные эти планы

окончательно превратились лишь в 1944- 1945 годах.

В связи с общим изменением военно-политической обстановки в ходе второй мировой войны постепенно изменялась и роль, которую отводили Маньчжурии японские милитаристы. Если в 30-х и начале 40-х годов они использовали страну в качестве передового плацдарма в планах нападения на СССР, то затем стали рассматривать Маньчжурию уже как хорошо подготовленный оборонительный район с мощным военным арсеналом.

Маньчжурия и в самом деле к началу 1945 года представляла собой весьма внушительный военно-промышленный комплекс. Например, в 1944 году здесь было выплавлено 2,5 млн. тонн чугуна (в Японии - 2,7 млн. тонн), 1,3 млн. тонн стали в слитках (при выплавке в целом по империи 5,9 млн. тонн). В Маньчжурии размещалось 55% всех японских мощностей по выработке синтетического горючего. Военная промышленность Маньчжурии и Кореи могла обеспечить миллионную армию вооружением, снаряжением, боеприпасами и техникой почти полностью (не производились только бомбардировщики и тяжелая артиллерия){5}.

Значение Маньчжурии как крупнейшей тыловой базы и военного арсенала еще более возросло, когда американские

бомбардировщики стали совершать массированные налеты на Японские острова, на их промышленные и военные центры, военно-морские базы и прочие жизненно важные объекты. Но Маньчжурия по-прежнему оставалась вне радиуса действия американских «летающих крепостей», поэтому туда переводились из Японии целые предприятия со всем оборудованием; в Маньчжурии в многочисленных военных городках с казарменным фондом на 55-60 пехотных дивизий, с авиабазами и аэродромами, способными принять одновременно более 6000 самолетов, японское командование могло в спокойной обстановке готовить пополнение для фронта, формировать новые и переформировывать старые части, проводить без всяких помех и другие необходимые военные мероприятия.

В Маньчжурии дислоцировалась японская Квантунская армия, объединявшая два фронта: 1-й Восточно-Маньчжурский (3-я и 5-я армии), 3-й Западно-Ман-чжурский (30-я и 44-я армии), а также 4-ю отдельную Северо-Маньчжурскую и 34-ю отдельную армии. В Корее дислоцировался 17-й фронт (58-я армия), который впоследствии также был включен в состав Квантунской армии, с одновременным введением в него 34-й армии. Кроме того, командованию Квантунской армии подчинялись армия Маньчжоу-го, войска японского ставленника во Внутренней Монголии князя Дэвана и Суйюаньская армейская группа. Эту сильную - более 1 млн. человек - группировку поддерживали две японские воздушные армии - 2-я и 5-я, имевшие до 2000 самолетов.

Концепция стратегической обороны, принятая японским генеральным штабом в конце второй мировой войны, теоретически повышала шансы Квантунской армии на успех, пусть даже ограниченный, в предстоящей борьбе с советскими войсками. Дело в том, что Маньчжурия по природным ее условиям значительно лучше приспособлена для обороны, чем для наступления. Это по преимуществу горный театр,

а точнее, горная тайга, старый лее, покрывающий хребты с высотами до двух километров. Представьте себе цепь горных систем, образующих как бы колоссальную букву «П». Западная ее сторона, обращенная к Монгольской Народной Республике и советскому Забайкалью, - это горная система Большой Хинган. Северная сторона, обращенная к советскому Приамурью, - это горы Ильхури-Алинь и Малый Хинган. А восточная сторона, выходящая к советскому Приморью, - самые мощные и труднопроходимые из всех маньчжурских гор - Восточно-Маньчжурские. В целом все горные системы тянутся на несколько тысяч километров, достигая в некоторых местах 400-километровой ширины. Этот П-образный горный барьер с малым числом дорог надежно прикрывал с запада, севера и востока Центральную Маньчжурскую равнину с ее большими городами и промышленными центрами. И если с запада подступы к Большому Хингану представляли собой открытые и полуоткрытые пространства плоскогорий и полупустынных безводных степей, то северная и восточная части Маньчжурии являлись в полном смысле горно-таежным краем.

Крупные естественные преграды, исключавшие широкий и быстрый маневр танками, делавшие театр военных действий труднодоступным для войск, вооруженных тяжелой техникой, противник многократно усилил препятствиями искусственными. Вдоль всей границы с Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой он построил 17 укрепленных районов. Полоса укреплений протянулась почти на 800 километров и насчитывала свыше 4500 долговременных сооружений. Горные барьеры с укрепрайонами, плотным огнем перекрывавшими все дороги извне на Центральную Маньчжурскую равнину, - это был тот щит, за которым командование японской Квантунской армии надеялось беспрепятственно осуществлять любой необходимый маневр силами и средствами.

Планы советского командования, в отработке которых еще до Великой Отечественной войны довелось участвовать и мне как начальнику штаба корпуса, также претерпели значительные изменения. В 30-х годах агрессию со стороны японской армии мы готовились встретить немедленным и глубоким контрударом, в первые военные годы план ответных действий стал оборонительным, однако уже осенью 1944 года, как пишет в своих воспоминаниях маршал А. М. Василевский, были вчерне сделаны первоначальные расчеты сосредоточения наступательных группировок наших войск в Приамурье, Приморье и Забайкалье. А весной 1945 года, после разгрома фашистской Германии, с запада через всю страну двинулись на Дальний Восток воинские эшелоны. Это перебрасывались части 39-й армии из Восточной Пруссии. Следом, тоже из Восточной Пруссии, передислоцировалась в Приморье 5-я армия, из Чехословакии - 6-я гвардейская танковая и 53-я армии. С других фронтов направлялись на Дальний Восток отдельные части и соединения бронетанковых войск, артиллерии, авиации, инженерных войск, войск связи, тыловые части и учреждения. И если в течение почти всей войны войска на Дальнем Востоке насчитывали от 32 до 59 расчетных дивизий, то к августу число расчетных дивизий возросло в 1,5 раза. Кроме того, здесь сосредоточились 4 танковых и механизированных корпуса, 6 стрелковых и 40 танковых и механизированных бригад.

Было создано Главное командование на Дальнем Востоке во главе с Маршалом Советского Союза А. М. Василевским.

В соответствии с планом войска сосредоточивались в трех главных группировках: в Забайкалье и на территории Монгольской Народной Республики Забайкальский фронт под командованием Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского, в Приамурье - Дальневосточный (впоследствии 2-й

Дальневосточный) фронт под командованием генерала армии М. А. Пуркаева, в Приморье - Приморская группа войск (впоследствии 1-й Дальневосточный фронт) под командованием Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова. В самых общих чертах замысел Маньчжурской операции заключался в следующем: три советских фронта, используя свое выгодное, охватывающее исходное положение, наносят одновременно встречные удары по противнику с запада, севера и востока с целью рассечь главную группировку войск Квантунской армии, окружить и последовательно уничтожить ее по частям. Причем ведущая роль отводилась фланговым группировкам - войскам Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов. Прорвав приграничные укрепления, продвигаясь навстречу друг другу, эти фронты должны были встретиться в центральных районах Маньчжурии, у городов Чаньчунь и Гирин, окружить главные силы Квантунской армии, а затем продолжить наступление на юг - к Ляодунскому полуострову и Северной Корее, с тем чтобы в кратчайший срок завершить разгром противника.

В состав Забайкальского фронта вошли 17, 39, 53. 36-я армии, 6-я гвардейская танковая армия, конно-механизированная группа (в ее составе и войска Монгольской Народной Республики) и 12-я воздушная армия.

2-й Дальневосточный фронт главными силами (2-я Краснознаменная и 15-я армии и 5-й отдельный стрелковый корпус) развернулся в Приамурье, вдоль, реки Амур и дальше вдоль Уссури, а остальными (16-я армия, Камчатский оборонительный район) - на Северном Сахалине, материковом побережье Татарского пролива и Камчатке. С воздуха действия войск фронта обеспечивала 10-я воздушная армия.

1-й Дальневосточный фронт в составе 35-й, 1-й Краснознаменной, 5-й и 25-й армий, Чугуевской оперативной группы, 10-го механизированного корпуса и 9-й воздушной армии раз-

вернулся в Приморье, вдоль восточной границы Маньчжурии. Наша 1-я Краснознаменная армия и 5-я армия генерала Н. И. Крылова составили главную группировку этого фронта, нацеленную на город Муданьцзян. Правее полосы главного удара наносила вспомогательный удар на Мишань 35-я армия генерала Н. Д. Захватаева, левее - на Ванцин, Яньцзи - 25-я армия генерала И. М. Чистякова.

Теперь, когда мы познакомились с некоторыми особенностями театра военных действий, с замыслами противника и планом советского командования, позволю себе опередить события и приведу несколько цифр и фактов, характеризующих итоги Маньчжурской наступательной операции советских войск. Это, во-первых, поможет читателю наглядно представить ее размах, высокие темпы и эффективность, то есть те слагаемые, которые позволяют считать Маньчжурскую стратегическую наступательную операцию яркой страницей советского военного искусства. А кроме того, подобный предварительный разговор необходим, чтобы осветить причины замалчивания этой операции или умаления ее результатов со стороны западных военных историков.

Маньчжурская наступательная операция продолжалась десять суток. Боевые действия на материке (Маньчжурия, Внутренняя Монголия, Северная Корея) охватили территорию более миллиона квадратных километров. И какие это были километры! Мощные скальные барьеры гор. Таежная чащоба. Непроходимые болота. Безводные полупустыни с песчаными бурями. Залитые летним половодьем глинистые долины рек. Почти полное бездорожье. И свыше 4,5 тыс. долговременных огневых сооружений. И сотни укрепленных военных городков в глубине обороны. И более чем миллионная, фанатично настроенная вражеская группировка войск с ее многотысячными отрядами солдат-смертников.

Вдумайтесь только и сравните. С одной стороны - трудно-преодолимое пространство, равное трем таким государствам, как Франция. И Квантунская армия - самое крупное в количественном и лучшее в качественном отношении объединение японских вооруженных сил. И долговременная оборона. И все это рухнуло как карточный домик за десять дней наступательной операции. Впечатляет, не так ли?

Для войны, которую до этого вели американцы с японцами на Тихоокеанском театре военных действий, подобные темпы, размах и результативность были вообще необычными. Без малого четыре года длилась у них напряженная борьба за островные архипелаги и отдельные острова. Неделями, иногда месяцами сотни тысяч американских солдат при поддержке мощного флота и бомбардировочной авиации штурмовали какой-нибудь остров с японским гарнизоном. И когда к весне 1945 года американцы, овладев наконец рядом ключевых позиций, вышли на дальние подступы к Японским островам, окончательная победа представлялась нашим союзникам весьма проблематичной. Как свидетельствуют опубликованные материалы, американское командование рассчитывало сломить сопротивление японцев не ранее 1946 года, а некоторые и этот срок считали слишком оптимистичным и называли 1947 и даже 1948 годы.

И действительно, темпы предыдущих боевых действий и ожесточенное сопротивление противника на всех, даже незначительных с оперативной точки зрения, позициях не позволяли строить иллюзий о скором завершении войны и капитуляции императорской Японии. Тем более что японские вооруженные силы сохранили высокую боеспособность, а на материке, в Маньчжурии и Корее, у них имелась крупная тыловая база с большими запасами продовольствия, вооружения, боеприпасов, с сильной Квантунской армией. В целом к августу сорок пятого года японские сухопутные силы, вклю-

чая авиационные соединения, насчитывали 5,5 млн. человек, военно-морской флот - 109 боевых кораблей основных классов, военно-воздушные силы - около 6,5 тыс. самолетов. Вот почему последующий этап боевых действий с десантными операциями против собственно Японских островов американское и английское командование считало делом долгим и очень трудным. Как заявил впоследствии премьер-министр Англии Черчилль, операции против самой Японии «предполагали невиданные во время этой войны усилия, и никто не мог определить, во сколько жизней английских и американских солдат они обойдутся и каких материальных ценностей они потребуют»{7}.

Полагаю, все вышесказанное проясняет впечатление, которое произвела на наших тогдашних союзников Маньчжурская наступательная операция советских войск. Да, эти десять дней августа ошеломили не только японское командование и правительство Японии. Американские военные руководители тоже были поставлены перед неожиданным фактом. Советская Армия, сыгравшая главную роль в разгроме гитлеровской Германии, и здесь, в борьбе с империалистической Японией, показала, как надо воевать.

По всем планам и предположениям союзников советские войска должны были бы помочь Америке, Англии и гоминьдановскому Китаю разгромить японских агрессоров. А объективно вышло, что наш удар по Квантунской армии сыграл основную роль в быстрой и полной победе на завершающем этапе войны.

Буржуазные историки и мемуаристы настойчиво стремятся доказать, что вступление Советского Союза в войну с Японией и решение японского правительства капитулировать практически лишь косвенно связаны между собой, что первый факт просто совпал по времени со вторым фактом, что участие советских войск в разгроме Японии носило формальный

характер.

По-русски мы подобную позицию называем: «Махать после драки кулаками». Но западные историки, особенно американские, и по сей день пытаются доказать своей читающей публике недоказуемое. Потому-то в их трудах многомесячная борьба американцев и англичан за какой-нибудь остров на Тихом океане занимает гораздо больше страниц, чем Маньчжурская стратегическая наступательная операция советских войск. Хотя остров тот обороняли одна-две японские дивизии, а в Маньчжурии и Корее нам противостояли семь японских и одна маньчжурская армии.

Среди аргументов зарубежных историков значительное место отведено атомным бомбам, сброшенным американцами на Хиросиму и Нагасаки 6 и 9 августа. Утверждается, что именно атомная бомбардировка доказала всем в Японии, в том числе и военному руководству, безнадежность дальнейшего сопротивления. По этому поводу замечу следующее. В августе сорок пятого года мне довелось допрашивать командующего 5-й японской армией и многих других генералов. В ходе допросов, которые часто касались морального состояния японских войск, ни один генерал ни разу не упомянул про атомную бомбу. Даже вскользь. А недавно, работая с архивами 1-й Краснознаменной армии, я опять перечитал протоколы и этих допросов, и других, в том числе - солдат и младших офицеров. Нет, память мне не изменила: упоминаний об атомной бомбе я не встретил в этих документах. Зато о моральном воздействии, оказанном на японских военнослужащих взятием советскими войсками Берлина, вероятным вступлением Советского Союза в войну с Японией и, наконец, началом Маньчжурской стратегической наступательной операции, - об этом говорили все пленные. И генералы; и офицеры, и солдаты утверждали, что воздействие этих фактов было исключительно сильным, что мысль о близком и неминуемом раз-

громе Японии всегда и всюду связывалась с возможностью «русского наступления в Маньчжурии».

Первые же дни Маньчжурской стратегической операции показали и японскому правительству, и высшему генералитету, и всей армии, что опасения подвергнуться быстрому разгрому не были преувеличенными. Даже наоборот. Ни один пессимист в Японии не мог предположить, что уже на второй-третий день советского наступления японские фронтовые и армейские штабы потеряют управление подчиненными войсками, а к исходу первой недели войны катастрофа и полный разгром станут фактом и вся Квантунская армия превратится в разобщенные, разбросанные на огромных пространствах толпы людей, которые, теряя последнюю артиллерию и обозы, будут сдаваться в плен или уходить в таежные дебри, в горы, в болота с призрачной надеждой отсидеться там до лучших времен. И можно себе только представить, что творилось в то время в Токио, в военном министерстве и других военных учреждениях, где не могли не понимать, что скоротечный разгром Квантунской армии - пятой части всех японских сухопутных сил! - и выход советских танков в Южную Маньчжурию и далее, в район Пекина, поставят в критическое положение другие японские фронты в Северном и Центральном Китае; что все прежние и привычные представления о ведении боевых действий, вся долголетняя практика, приобретенная японской армией в Китае, Бирме, на Тихом океане и в других районах, оказались совершенно непригодными в первом же столкновении с Советской Армией; что, наконец, ни времени, ни пространства, ни крупных сил, достаточных для того, чтобы хоть как-то локализовать или замедлить советское наступление, уже не осталось. И что выход, следовательно, один - признать, что Япония потерпела полное поражение и пришел час капитуляции.

Так, на основе личных впечатлений и различных документальных источников представляется мне та цепная реак-

ция, которая с маньчжурских сопок и равнин, из частей разгромленной Квантунской армии, пробежала до то-кийских дворцов и министерств и в конечном итоге привела Японию к быстрой, полной и безоговорочной капитуляции,

Но давайте вернемся к июлю сорок пятого года и поговорим более подробно о подготовке советских войск к Маньчжурской стратегической наступательной операции. И хотя речь пойдет в основном о 1-й Краснознаменной армии, вопросы, которые мы решали, были равно характерными и для других армий 1-го Дальневосточного фронта - 35, 5 и 25-й.

ПЕРВАЯ КРАСНОЗНАМЕННАЯ

ВОЙСКА 1 КРАСНОЗНАМЁННОЙ АРМИИ ПОД ПРОЛИВНЫМ ДОЖДЕМ, СКВОЗЬ НЕПРОХОДИМУЮ ТАЙГУ, ПЕРЕШЛИ СОВЕТСКО-МАНЬЧЖУРСКУЮ ГРАНИЦУ В СЕМИ НАПРАВЛЕНИЯХ

Явившись в назначенный час в штаб Приморской группы войск{8} я застал здесь членов ее Военного совета - командующего Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова, генералов Т. Ф. Штыкова, К. С. Грушевого и Г. Е. Дегтярева (командующий артиллерией), а также начальника штаба генерала А. Н. Крутикова.

- Садитесь, Афанасий Павлантьевич! - пригласил маршал. - В Москве поговорить не пришлось, так что рассказывайте. Вы, говорят, старожил здешних мест? Второй раз на Дальнем Вос-

токе?

- Четвертый, Кирилл Афанасьевич.

- Четвертый? - удивился он. - А где служили?

Рассказал ему вкратце о моей службе.

- Ну и ну! - улыбнулся он. - Значит, все операционные направления, можно сказать, пешком прошли. Не иначе как влюбился в Дальний Восток. Сами, наверное, просились сюда?

- Влюбился, - говорю, - это особая статья. А насчет просьб, сами знаете, нас не спрашивают.

- Это верно, - согласился маршал. - Служба! Ну, коли Первая Краснознаменная вам дом родной, расскажите о товарищах из руководящего состава, которых хорошо знаете.

Походурассказамнезадаваливопросы,беседасталаобщей. Главной ее темой был опыт Великой Отечественной войны - как и насколько усвоен он воинами-дальневосточниками, которые не воевали на западных фронтах. Командующий и другие товарищи, прибывшие с ним с Карельского фронта, уже провели несколько инспекционных поездок в войска, и, как я понял, эти поездки и дали повод для разговора об усвоении современного боевого опыта. Конечно, ответить на некоторые конкретные вопросы мне было трудно: все-таки почти четыре года, проведенные вне Дальнего Востока, оторвали меня от непосредственной учебы его войск. Но я хорошо знал общую постановку дела, она складывалась десятилетиями, постоянная боевая готовность давно стала нормой воинской жизни на Дальнем Востоке, незыблемой традицией, и можно было с уверенностью сказать, что события Великой Отечественной войны только усилили эту традицию.

Советские войска Дальнего Востока жили и учились в специфических условиях. Местность, в частности в Приморье, резко отличалась от большинства других приграничных районов нашей огромной страны присущим ей чередованием высоких гор, покрытых могучим девственным лесом, и громад-

ных непроходимых болот. Эти трудности усугублялись бездорожьем. Мне с конца сорок второго года и до последних дней Великой Отечественной войны довелось воевать на Калининском, 1-м Прибалтийском, 3-м и 2-м Белорусских фронтах, то есть в лесах и болотах Северо-Запада России, Белоруссии, Латвии, Литвы, Восточной Пруссии и Восточной Померании, в районах, тяжелых и для действий стрелковых соединений, и для танков и другой техники. Однако сравнивать эти районы с дальневосточным Приморьем никак нельзя. Там мы все-таки могли вводить в бой танковые корпуса на широком фронте, там стрелковые дивизии наступали и оборонялись, поддерживая взаимную фланговую связь. В Приморье и в соседствующей с ним Восточной Маньчжурии такие действия практически исключены. Горный рельеф, тайга, болота и бездорожье определяли и тактику боевых действий и подготовку к ним людей и техники. Хочешь ты того или не хочешь, но местность заставляет тебя соответственно перестраивать боевые порядки и тактику. Приморская группа войск хорошо отработала действия в горной тайге, где наиболее эффективной является так называемая отрядная тактика - передвижение по направлениям сильными отрядами без их фланговой связи. Командиры научились взаимодействовать, не видя друг друга, что в свою очередь выработало у них инициативность и большую самостоятельность, стремление действовать дерзко и решительно, не оглядываясь на соседа. Поэтому если уж говорить об усвоении опыта, то процесс этот должен быть двусторонним и обоюдным. Войскам, прибывшим с запада, тоже было чему поучиться у дальневосточников.

- Чувствуется патриот Первой Краснознаменной, - заметил маршал Мерецков, когда я закончил. - Приханкайское и Пограничненское направления вы должны хорошо знать. Расскажите-ка, а мы послушаем.

Вбытность мою начальником штаба 43-го корпуса, а затем, когда Александр Сергеевич Ксенофонтов уехал на академические курсы, и временно исполняющим обязанности командира корпуса, я хорошо изучил Южное Приморье от озера Ханка и на юг, до Гродеково и расположенной против него маньчжурской станции Пограничная. Все это было свежо в памяти, и я постарался дать полную характеристику района и обоих направлений.

Вконце беседы командующий сказал:
- На днях прибыл к нам генерал Ксенофонтов. Вы ведь знакомы с ним?

- Знакомы. Мы с ним старые друзья. Александр Сергеевич - один из моих учителей.

- Вот именно! - подчеркнул маршал.- Ксенофонтов просил направить его в вашу армию. Не часто приходится слышать, чтобы бывший начальник хотел служить под началом бывшего подчиненного.

Для меня в этой просьбе генерала Ксенофонтова не было ничего удивительного. Наши с Александром Сергеевичем товарищеские отношения, установившиеся еще в середине 30-х годов, не поколебали никакие должностные перемены. Простой, открытый человек, он одинаково ровно и товарищески вел себя и с подчиненными и с начальниками. Потому и настоящих друзей у него всегда было много, и я старался быть в их числе и перенять у моего старшего друга его человечность, строгость и справедливость.

Вштабе 1-й Краснознаменной армии меня встретили так, будто и не уезжал с Дальнего Востока, будто съездил в командировку, а за это время накопилось изрядное количество вопросов, которые надо быстро решить. Кругом были друзья, приветливые улыбки, и сразу же - деловой разговор. «Ждем тебя,-сказал член Военного совета генерал И. М. Смоликов.
- В 231-й дивизии начались учения по прорыву обороны с

форсированием водной преграды. На реке Илистая. Съездим вместе?» А час спустя с начальником политотдела генералом К. Я. Остроглазовым мы обсудили план политобеспечения еще более крупных учений в 26-м и 59-м стрелковых корпусах. Затем свои планы по этим учениям доложили заместитель начальника штаба генерал Е. Я. Юстерник, начальник связи генерал Н. И. Баранов, начальник отдела инженерных войск полковник М. Н. Сафронов. Все они были старыми дальневосточниками, новым человеком в армии являлся только командующий артиллерией генерал К. П. Казаков. Он прибыл с запада, из 2-й ударной армии, но уже полностью вошел в курс дела. Эрудированный специалист, с яркой командирской внешностью, собранный, четкий, он произвел на меня очень хорошее впечатление. Его доклад свидетельствовал о том, что артиллерия армии попала в надежные руки.

Вскоре, тоже самолетом, прибыли мои соратники по 43-й армии. Генерал Ф. Ф. Масленников был назначен начальником штаба 1-й Краснознаменной армии, генерал И. В. Сидяк - начальником тыла, полковник В. В. Турантаев возглавил оперативный отдел штаба, полковник П. Ш. Шиошвили - разведывательный отдел. С ними приехал и генерал Ф. К. Прудников - член Военного совета, в обязанность которого входил контроль над работой всех тыловых частей и учреждений армии. Федор Кондратьевич до этого воевал в другой армии, но познакомились мы с ним еще в 36-й Забайкальской дивизии, где он был секретарем партийного бюро 106-го Сахалинского стрелкового полка.

На второй день после прибытия в 1-ю Краснознаменную армию я с оперативной группой работников штаба выехал в район учений. Сначала побывали в 231-й стрелковой дивизии, затем в дивизиях 26-го и 59-го корпусов. Почти все эти соединения имели давние боевые традиции. 26-й стрелковый корпус, которым командовал теперь Герой Советского Союза

АФАНАСИЙ БЕЛОБОРОДОВ

ДВАЖДЫ ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

генерал А. В. Скворцов (начальник политотдела полковник В. В. Петров, начальник штаба полковник А. Е. Афанасьев), был сформировал весной 1936 года в составе 22-й и 59-й стрелковых дивизий. Обе дивизии участвовали в гражданской войне, но старейшей из них была 22-я Краснодарская. Она стала одним из первых регулярных соединений Красной Армии, созданных летом - осенью 1918 года на Восточном фронте, и по праву вошла в историю гражданской войны вместе с такими знаменитыми дивизиями, как 30-я Иркут-

ская, 24-я Самаро-Ульяновская, 25-я Чапаевская, и другими, начинавшими свой боевой путь в Поволжье и на Урале в сражениях с белогвардейцами и белочехами. Кстати говоря, 22-я и 25-я дивизии формировались в одном месте, в районе города Николаевска (ныне Пугачев Саратовской области), и чапаевская бригада некоторое время входила в 22-ю дивизию, именовавшуюся тогда дивизией Николаевских полков.

Весной девятнадцатого года части 22-й дивизии были окружены белоказаками в Уральске и несколько месяцев, полностью отрезанные от главных сил Юж-

ной группы войск Восточного фронта, героически обороняли город. Это ее бойцам, политработникам и командирам предназначалась известная телеграмма Владимира Ильича Ленина. Он направил ее командующему Южной группой М. В. Фрунзе и просил передать «горячий привет героям пятидесятидневной обороны осажденного Уральска, просьбу не падать духом, продержаться еще немного недель. Геройское дело защиты Уральска увенчается успехом»{9}. Дивизия выполнила наказ вождя и стойко обороняла город до 11 июля, когда к Уральску прорвалась 25-я Чапаевская дивизия и отбросила белоказаков.

Гражданскую войну 22-я дивизия закончила да юге страны, на Кавказском фронте. За освобождение Краснодара ей было присвоено почетное наименование Краснодарской.

Третьей дивизией, вошедшей в июле 1945 года в состав 26-го корпуса, была 300-я стрелковая. Боевое крещение она получила летом 1941 года на Юго-Западном фронте, вела напряженные бои на днепровском рубеже и под Полтавой, не раз попадала в окружение и прорывалась из них. А в сорок втором

На фото: (сверху вниз) Герой Советского Союза генерал А. В. Скворцов; начальник политотдела полковник В. В. Петров, начальник штаба генерал-майор (полковник) А. Е. Афанасьев

она вместе с нашей 9-й гвардейской дивизией сражалась против немецко-фашистской группировки, прорывавшейся через Купянск к Дону, опять оказалась в окружении, но с честью вышла из него под своим Боевым Знаменем.

59-й стрелковый корпус (начальник политотдела полковник Г. Г. Клинов, начальник штаба полковник С.А.Балицкий) возглавил генерал А. С. Ксенофонтов. Сначала в корпусе было две дивизии - 39-я и 365-я, затем в его состав вошла и 231-я дивизия.

39-я Тихоокеанская стрелковая была, как тогда говорили, коренной дальневосточной дивизией, ровесницей 2-й Приамурской, о которой я уже рассказывал. Она тоже была сформирована в 1922 году и называлась вначале 1-й Забайкальской. Однако, если говорить строго, ее боевая родословная восходит к еще более раннему периоду. Ведь в состав этой дивизии полностью влилась стрелковая бригада 35-й Сибирской дивизии, которая начинала путь по фронтам гражданской войны с весны 1919 года, с берегов Волги.

1-я Забайкальская дивизия вместе со 2-й Приамурской очистала от белогвардейцев и интервентов советское Приморье и в октябре 1922 года вступила в освобожденный Владивосток. А весной 1923 года несколько батальонов дивизии на пароходах вышли из Владивостокского порта в далекую экспедицию на север, в Охотское море, с заданием разгромить белогвардейский отряд генерала Пепеляева. Возглавил экспедицию Степан Сергеевич Вострецов. Более месяца продолжалось трудное плавание. В начале июня забайкальцы высадились близ города Охотска и в тайге разгромили белых, а самого Пепеляева взяли в плен. За боевые отличия в этой операции дивизия получила почетное наименование Тихоокеанской. С. С. Вострецов был награжден четвертым орденом Красного Знамени.

Дальнейшая боевая служба 1-й (затем 39-й) Тихоокеанской дивизии проходила в Южном Приморье, на границе с Маньчжурией. В 1929 году, когда китайские милитаристы сосредоточили крупную группировку севернее озера Ханка, в районе города Мишань, тихоокеанцы разгромили их, захватили знамена и боевую технику противника. А семь лет спустя рота стрелков-тихоокеанцев под командованием старшего лейтенанта Кочеткова в этих же местах уничтожила японскую пехоту, пытавшуюся прорваться через границу вдоль берега озера Ханка и овладеть поселком Турий Рог. Во всех этих боях особенно прославился 1-й (впоследствии 50-й) Читинский стрелковый полк. В нем когда-то начинал свою службу и генерал-полковник Н. И. Крылов, который летом сорок пятого года возглавил соседнюю с нами 5-ю армию.

Знакомство с личным составом стрелковых дивизий, артиллерийских, танковых, инженерно-саперных бригад и других частей, входивших в 1-ю Краснознаменную армию, происходило в полевых условиях, на учениях с боевой стрельбой, поэтому впечатление о боеспособности и боеготовности армии сложилось у меня довольно скоро - за неделю-полторы. Во-первых, приятно удивил возраст ной состав армии. На фронте к концу войны, особенно в стрелковых частях, было очень много и 18-19-летних юношей, и 40-летних мужчин. А тут подавляющее большинство составляли 22-28-летние молодые люди. Офицеры, даже в звене взвод - рота, имели за плечами по несколько лет службы. Армия осталась кадровой в полном смысле этого слова, хотя многие тысячи ее красноармейцев, сержантов и офицеров убывали на фронты Великой Отечественной войны и целыми дивизиями, и отдельными маршевыми батальонами.

Вторым и главным результатом ознакомления с частями и соединениями 1-й Краснознаменной армии, с ее учебными буднями был вывод, что личный состав хорошо подго-

товлен к боевым действиям, что традиционно присущая армии высокая боевая готовность подкреплена серьезнейшим изучением опыта Великой Отечественной войны. Штаб армии ввел и строго поддерживал такой порядок: все участники боев, попадавшие в 1-ю Краснознаменную, как правило, после излечения в сибирских и дальневосточных госпиталях, а также старший командный состав, выезжавший на фронт для стажировки, обязательно делились приобретенным боевым опытом. Причем делалось это на разных уровнях. Сержанты - стрелки, автоматчики, пулеметчики, артиллеристы, танкисты, снайперы практически показывали в своих подразделениях новые приемы и методы владения оружием, командиры рот, взводов, батальонов рассказывали о новинках в тактике мелких подразделений, командиры полков и дивизий, штабные офицеры, политработники все изучали в первую очередь те вопросы, которые являлись для них наиболее актуальными. Подчеркиваю это потому, что до Великой Отечественной войны (и не только в 1-й Краснознаменной армии) освоение опыта зачастую носило слишком общий, обзорный характер - без тщательной дифференциации аудитории. Конечно, хорошо, когда, положим, командир взвода или роты знаком с тактикой высших соединений. Однако нельзя делать это за счет времени, необходимого для изучения тем, конкретно связанных с его непосредственной служебной деятельностью, с боевой обстановкой, в которой он может оказаться. Великая Отечественная война заставила пересмотреть бытовавшую до тех пор методику, решительно приблизила ее к требованиям дня. Как раз об этом и свидетельствовала постановка пропаганды боевого опыта в 1-й Краснознаменной армии. Пропаганда была очень целеустремленной и хорошо сбалансированной. Например, в течение первой половины 1945 года участники войны провели в частях и подразделениях беседы на темы: «Наступательный бой 69-й гвардейской стрел-

ковой дивизии в Корсунь-Шевченковской операции», «Бой за опорный пункт Погореловка», «Бой за опорные пункты Святая Гора и Бараново», «Бой 330-й дивизии за город Михайлов», «Работа полкового тыла под Серпуховом», «Бой 29-го истребительно-противотанкового полка 8-9 июля 1943 года» и ряд других, столь же конкретных. Одновременно изучались темы, обобщающие узловые вопросы: «Сталинград - школа уличных боев», «Топографическое обеспечение сражения под Сталинградом», «Укрепленные районы в обороне Севастополя», «Действия разведгрупп и поисковых партий по опыту войны», «Прорыв 11-й гвардейской армии под Орлом», «Автоперевозки по опыту войны» и т. п. Большое внимание уделялось изучению японской армии - от таких вопросов, как подготовка маньчжурского плацдарма и политико-экономическое состояние Маньчжурии, и до таких, как методы воспитания солдат в японской армии и оборона японцев по опыту боев в Китае и зоне Южных морей).

Полагаю, что перечень даже немногих из всех изученных тем дает общее представление о пропаганде боевого опыта в войсках армии. Практические результаты этой работы стали нам ясны в ходе учений, проведенных во всех стрелковых дивизиях, артиллерийских и танковых бригадах в конце июня - начале июля сорок пятого года.

Части 231-й стрелковой дивизии генерала Я. Е. Тимошенко провели двустороннее учение, на котором отрабатывались темы: «Прорыв усиленной стрелковой дивизией укрепленной полосы с форсированием водной преграды» (для наступающей стороны) и «Позиционная оборона водного рубежа стрелковым полком» (для обороняющихся). Район учений охватывал площадь до 8 км по фронту и около 12 км в глубину. Он представлял собой сильно заболоченную низменность близ озера Ханка. С юга на север район пересекала река Илистая, разделенная на два широких и глубоких рукава, каждый из которых в свою очередь разветвлялся на множество протоков, обрамленных озерами-старицами. Прошедшие ливневые дожди переполнили Илистую водой, она затопила низкие берега, соединила все протоки и старицы в одно водное зеркало.

- Тяжелые места. Специально выбрали, - сказал генерал Юстерник, когда наша машина, буксуя в залитой водой колее, пробиралась по болотной чащобе к реке Илистая.

Выложенный саперами хворостяной настил с земляной подсыпкой был сильно поврежден тяжелой техникой. А вскоре мы встретили засевшую в болоте гаубичную батарею. Еще ближе к реке в кустарнике солдаты сноровисто вязали из лозы каркасы, обтягивали их брезентом, получалась легкая лодка. Другие строили небольшие плоты из бочек или их комбинации с кузовами парных конных повозок. Словом, подготовка к форсированию реки шла полным ходом.

Наблюдательный пункт генерала Тимошенко - жердевая вышка с площадкой - был хорошо оборудован и замаски-

рован на опушке роци. Отсюда местность просматривалась на многие километры - сплошное, заросшее высоким кустарником болото. Командир дивизии и оперативная группа его штаба сидели, как говорится, на телефонах. Достаточно было послушать с полчаса эти переговоры, чтобы понять, в чем суть трудностей. Просмотрел я и некоторые штабные документы, относящиеся к планированию наступательного боя. Из них явствовало, что такие важные вопросы, как связь и инженерное обеспечение, не были отработаны с необходимой полнотой. Отсюда и те заминки, которым мы стали свидетелями.

После условной артподготовки два стрелковых полка начали форсирование реки Илистая, третий полк, играющий за противника, держал оборону. В целом учение прошло удовлетворительно, однако тщательный его разбор подтвердил соображения, которые возникли еще в ходе форсирования. Бойцы, командиры и политработники проявили много инициативы в подготовке подручных средств, в преодолении водной преграды и при бое в глубине обороны. Они показали хорошую натренированность и физическую выносливость в действиях на тяжелой, заболоченной местности. Высокую оценку заслуживала и оборона, в том числе и ее инженерное оборудование. Вместе с тем на разборе пришлось указать командованию дивизии на недостатки в планировании боя, что сказалось и на управлении войсками. Прокладка через болота колонных путей была возложена только на саперов, а они не справлялись, да и не могли без помощи пехоты справиться с огромным объемом работ. Не предусмотрели заранее и такой вопрос, как последовательная переправа войск через два рукава Илистой - фактически через две водные преграды, находившиеся в 1,5-2 км одна от другой. Передовые подразделения, преодолев первую преграду, сразу же, захватив свои подручные средства, устремились к следующей. В результате подвоз боеприпасов прекратился, до тех пор пока саперы 30-

го понтонно-мостового батальона не навели наплавные мосты - пешеходный и понтонный - на средней тяжести грузы. В боевой обстановке подобная пауза в снабжении войск боеприпасами всегда чревата серьезными осложнениями.

Из 231-й дивизии мы направились в 26-й стрелковый корпус генерала А. В. Скворцова. Корпусные учения проходили в местности, которая по рельефу, растительности и прочим особенностям была прямо противоположна низменной и открытой долине реки Илистая. Горная тайга с высотами до 700 метров над уровнем моря, с узкими и глубокими долинами, где болота сменялись участками, сплошь усеянными каменными валунами, сильно сковывала маневр войск по фронту и требовала от наступающих отрядных действий.

По плану учений наступающей стороне - 22-й стрелковой дивизии генерала П. К. Свирса с 77-й танковой бригадой подполковника И. ф. Морозова и 217-й артиллерийской бригадой полковника Н. П. Иванова - предстояло прорвать заранее подготовленную оборону, которую кроме артиллерийско-пулеметных подразделений 6-го полкового укрепрайона полковника И. Н. Шегидевича занимал и стрелковый полк 59-й дивизии Героя Советского Союза генерала М. С. Батракова. А главным силам его дивизии была поставлена задача контрударом из глубины обороны уничтожить наступающего «противника».

Учение продолжалось пять суток и прошло в хорошем темпе. С большой энергией и стремительностью действовали части 22-й Краснодарской дивизии. Их высокая боевая и фи-

НА ФОТО: ГЕНЕРАЛ НИКОЛАЙ КАРПОВИЧ СВИРС

зическая подготовка, выработанная в ходе целого ряда предшествующих ротных, батальонных и полковых учений, помогла краснодарцам быстро преодолеть 10-километровую полосу предполья. Командиры полков и батальонов при движении через горный лес не позволяли отставать приданной артиллерии, стрелки вытягивали на себе застрявшие орудия. Хорошо взаимодействовали они и с танками и саперами, которые прокладывали колонные пути через горный лес и заболоченные долины. Особенно отличился стрелковый батальон капитана Коваленко из 246-го стрелкового полка.

Конечно, обнаружили и недочеты. Они, как правило, имели причиной медленную перестройку некоторых офицеров на боевой лад. В самом деле, представьте себе ситуацию: головные отряды, пройдя предполье, вышли к главной полосе обороны противника и завязали бой. Развертывались и основные силы 22-й дивизии, но в этот момент ее начальник штаба вызвал к себе командиров полков. Хотел сделать им внушение. Они поздно и нерегулярно присылали в штаб дивизии боевые донесения. Это, конечно, очень плохо, так как отсутствие необходимой информации резко снижает возможности штаба реагировать на изменения в обстановке. Однако в конкретном случае вызов в штаб командиров, ведущих бой, ничем не оправдан. Более того, в настоящем бою подобный стиль руководства войсками может привести к очень тяжелым последствиям. Поэтому личное вмешательство командира дивизии генерала Свирса, отмена им этого распоряжения были очень своевременными.

Слабо прочувствовали обстановку учений и командиры некоторых тыловых подразделений дивизии. По пути к наблюдательному пункту Свирса мне довелось наблюдать, как плохо - особенно от воздушного наблюдения - замаскированы обозы и кухни.

Но, повторяю, это были частности. В целом 22-я Краснодарская и танкисты 77-й бригады четко и в срок выполнили поставленную задачу. А мотострелковый батальон майора Сакова из этой бригады, совершив за семь часов 35-километровый форсированный марш через тайгу, во многом способствовал

МОДЕРНИЗИРОВАННЫЙ ТАНК Т-34-85

успеху наступательных действий во всей полосе прорыва.

Командир корпуса Александр Васильевич Скворцов высоко оценил мастерство танкистов бригады. Он объявил им благодарность, а наиболее отличившимся лейтенанту Лима-

реву и другим офицерам и красноармейцам - прямо перед строем бригады преподнес огромные букеты цветов от имени своих стрелков. И вообще это совместное учение было хорошо использовано для более близкого знакомства воинов различных родов войск. Главную роль тут сыграли политотделы 22-й и 59-й стрелковых дивизий, 217-й артиллерийской и 77-й танковой бригад. Начальники политотделов этих соединений подполковник Н. Ф. Елистратов, полковник М. П. Кургузов, подполковник П. Д. Гаранчук и майор С. Ф. Попков умело организовали обмен опытом при встрече танкистов, пехотинцев, артиллеристов, гибко использовали различные формы работы - лекции, беседы, наглядную агитацию. Капитан Андреев продемонстрировал офицерам 59-й стрелковой дивизии боевые качества модернизированного танка Т-34-85, танкисты 10-го батальона побывали в гостях у стрелков 22-й дивизии, мотострелки танковой бригады - на погранзаставе. Несколько раз в ходе учений выступил перед бойцами, командирами и политработниками ансамбль песни и пляски 1-й Краснознаменной армии.

После учений я зашел в палатку генерала Н. К. Свирса. Николай Карпович был моим старым товарищем, с ним мы когда-то служили в 66-й стрелковой дивизии. Спрашиваю его: - Объясни все-таки, почему ты, наступая через предполье, выдвинул два головных отряда вместо одного? - Потому что видел - не потянем, - ответил он. - Понимаешь, Афанасий Павлантьевич, трудно прорубаться через тайгу по одному маршруту всей дивизией. Вот и пришлось 211-й и 246-й полки пустить по двум маршрутам. Соответственно и головные отряды. Иначе не вышли бы в срок к главной полосе обороны «восточных».

Николай Карпович развил свою мысль. Раньше мы тоже проводили различные учения в горной тайге. Однако никогда еще стрелковая дивизия не имела столь мощного усиления,

как сейчас. Десятки танков, два корпусных артиллерийских полка! Вести их вместе со стрелковой дивизией, практически одной колонной, одним колонным путем через горный лес и болота, - значит превратить проложенную лесную дорогу в мессиво грязи, где увязнет вся тяжелая техника и автотранспорт.

Эту сформулированную Свирсом мысль так или иначе высказывали и многие участники этих крупных учений. Ее подтвердили и учения в 59-м стрелковом корпусе генерала А. С. Ксенофонтова. Особенностью этих учений, в которых кроме 39-й Тихоокеанской и 365-й стрелковых дивизий генерала В. А. Семенова и полковника М. К. Гвоздиков и 75-й танковой бригады подполковника Л. Д. Крупецкого участвовала основная масса нашей артиллерии, были боевые артиллерийские стрельбы. Если на двусторонних учениях 231-й дивизии и двух дивизий 26-го корпуса артиллерийский огонь обозначался лишь условно, то в 59-м корпусе было организовано настоящее артиллерийское наступление. Мощный огонь тяжелых и легких орудий, минометов и гвардейских реактивных минометов сопровождал наступающую пехоту на большую глубину. Было израсходовано около 5000 снарядов и мин. Командующие артиллерией 39-й и 365-й дивизий подполковники Г. С. Камоев и Ф. А. Агаев умело управляли массированным артиллерийским огнем.

Интересная психологическая деталь: сосредоточение войск к участку прорыва можно было оценить как удовлетворительное, а сам прорыв и бой в глубине обороны получили более высокую оценку - «хорошо». Дело здесь заключалось в простой на первый взгляд вещи - в том, что условный артиллерийско-минометный огонь был заменен действительным. Мне и раньше доводилось наблюдать, как на учениях, когда их условность сведена до минимума, резко изменялось поведение людей - и командиров и рядовых. Человек, услышав грохот орудий, увидев разрывы снарядов, преображался

буквально на глазах. Он становился более собранным, более подвижным и энергичным, повышалось чувство ответственности. И хотя воин отлично знал, что артогонь никакого вреда ему не принесет, он и окапывался, и маскировался, и в атаку шел, как в реальном бою. То же и с так называемой обкаткой пехоты танками. Пройдет танк над окопом, и можно с уверенностью сказать, что засевший там стрелок в другой раз встретит уже вражескую боевую машину уверенно и стойко.

Учения 59-го корпуса, как и 26-го, проходили в горно-таежной местности. Они еще раз показали, что в таких условиях наиболее результативна отрядная тактика, что стрелковые батальоны и полки должны действовать с большей, чем в обычных условиях, самостоятельностью, что для этого их надо усиливать танковыми и саперными подразделениями и артиллерией, вплоть до тяжелых калибров. Особенно хорошо проявил себя отряд, который возглавлял командир батальона 50-го Читинского стрелкового полка майор Сенченко. Да и весь этот старейший на Дальнем Востоке полк, и вся 39-я Тихоокеанская дивизия Василия Александровича Семенова действовали превосходно.

К концу учений, к 3-5 июля, стало ясно, что все входившие в Армию дивизии, бригады и другие части хорошо подготовлены для выполнения самых трудных и неожиданных задач. Однако 22-я Краснодарская и 39-я Тихоокеанская дивизии были во всех отношениях лучшими. Поэтому их роль в возможных боевых действиях против японской Квантунской армии определилась уже тогда - мы их спланировали поставить на самый ответственный участок. Отмечу, что это решение не являлось плодом только личных моих впечатлений за минувшие дни. Репутация воинского коллектива складывается не вдруг. Я уже рассказывал о традициях этих дивизий, об их славной истории. В мирное время оба соединения тоже были среди передовых в боевой и политической подготовке. А уче-

ния лишь подтвердили эту высокую, десятилетиями складывавшуюся репутацию.

Проанализировав и обобщив опыт учений, штаб армии представил в штаб Приморской группы войск сводку{12}, в которой, в частности, подчеркивалась ведущая роль инженерного обеспечения при наступательных действиях в горной тайге. Каждую стрелковую дивизию необходимо было усиливать, как минимум, одним инженерно-саперным батальоном. Практиковавшаяся ранее прокладка колонных путей через лесные массивы и болота потребовала корректировки в связи с высоким насыщением войск танками и тяжелой артиллерией. Только сплошной поперечный настил из накатника (бревен) на лежнях мог обеспечить продвижение этой техники. Причем на учениях приходилось укладывать такие настилы на участках протяженностью до километра, то есть целыми улицами, как делали это в старину, в древнерусских, городах. Но там была открытая, подготовленная для работ местность, здесь - дремучий, горный, заболоченный лес. Его надо повалить, раскорчевать, распилить. Это сравнение помогает представить огромный объем работ, который выполняли инженерные войска армии. Кроме того, лимит времени у них был и всегда будет очень жестким. Поэтому для работы по прокладке колонных путей следует привлекать и стрелковые части.

Хорошей школой для предстоящих боевых действий стала инженерная подготовка исходного района. Общая длина вновь проложенных по нему дорог - в основном колонных путей - составила более 30 км{13}. Эта практика помогла установить строгий порядок работы - такой, который при минимальной затрате времени давал наибольший эффект.

Наряду с инженерным обеспечением операции пристальное внимание штаба армии было обращено на обучение личного состава ориентированию в горно-таежной местности. В каждой роте и батарее подбирались группы из рядовых, сер-

жантов и офицеров, имевших острый слух, зрение, хорошую реакцию и другие навыки, которые отличают таежных охотников. Им предстояло вести за собой войска по магнитной стрелке, по азимуту, так как никаких обычных ориентиров, вроде дорог, перекрестков, населенных пунктов, на первом этапе предстоящей операции не было. Хождению по азимуту обучался, конечно, весь личный состав, но эти специально отобранные группы - особенно тщательно.

Отдельно хочу сказать о партийно-политической работе, развернувшейся в армии в период непосредственной подготовки к Маньчжурской стратегической наступательной операции. Эту работу всего большого коллектива политработников, пропагандистов, агитаторов, партийных и комсомольских активистов умело направляли члены Военного совета генералы И. М. Смоликов и Ф. К. Прудников и начальник политотдела генерал К. Я. Остроглазов. Агитация и пропаганда велись в самых разнообразных формах. Воинам разъяснялись источники нашей победы над фашистской Германией, преимущества социалистического строя, огромное значение этой победы для народов всего мира, необходимость ликвидировать последний крупный очаг агрессии - японский милитаризм. Пропагандисты и агитаторы рассказывали о давних агрессивных устремлениях японской военщины, направленных на нашу Родину, о вторжении японцев на территорию Сибири и Дальнего Востока в годы гражданской войны, о кровавых злодеяниях, которые они там творили, о том, как они помогали гитлеровцам в войне против Советского Союза, о причинах денонсации советско-японского пакта о нейтралитете.

Большую роль в этой работе, воспитывавшей у воинов любовь к Родине а ненависть к агрессивным действиям империалистической Японии, сыграла печатная пропаганда, в частности наша армейская газета «На защиту Родины», которую редактировал Петр Андреевич Будыкин. В газете был

очень сильный журналистский состав, он свято берег ее традиции, ее высокую репутацию, завоеванную еще в 30-х годах. В ту пору она была газетой 39-го стрелкового корпуса, разгромившего японских захватчиков у озера Хасан. Ее заслуги в этом боевом деле были отмечены особым приказом по 1-й Краснознаменной армии, в котором, в частности, говорилось: «В дни упорных боев газета «На защиту Родины» показала себя подлинно большевистской газетой. Она доходила до передовых позиций, своим большевистским печатным словом зажигала горячий советский патриотизм, безграничную любовь и преданность воинов, командиров и политработников своей Родине, Коммунистической партии и Советскому правительству...»{14} И сегодня, вспоминая на-пряженный и плодотворный труд этого журналистского коллектива, я могу присоединиться к такой высокой оценке.

К середине июля, после того как мы сдали часть своей полосы левому соседу - 5-й армии генерала Н. И. Крылова и к нам прибыли новые артиллерийские, танковые и саперные части, 1-я Краснознаменная армия имела в своем боевом составе:

26-й стрелковый корпус - 22, 59, 300-я стрелковые дивизии и 217-я корпусная артиллерийская бригада;

59-й стрелковый корпус - 39, 231, 365-я стрелковые дивизии и 216-я корпусная артиллерийская бригада;

112-й и 6-й полевой укреплённые районы;

75, 77, 257-ю танковые бригады;

48-й тяжелый танковый полк;

335, 338, 339-й тяжелые самоходно-артиллерийские полки;

213-ю и 225-ю пушечные артиллерийские бригады;

52-ю минометную бригаду;

60-ю истребительно-противотанковую бригаду;

33-й и 54-й гвардейские минометные полки;

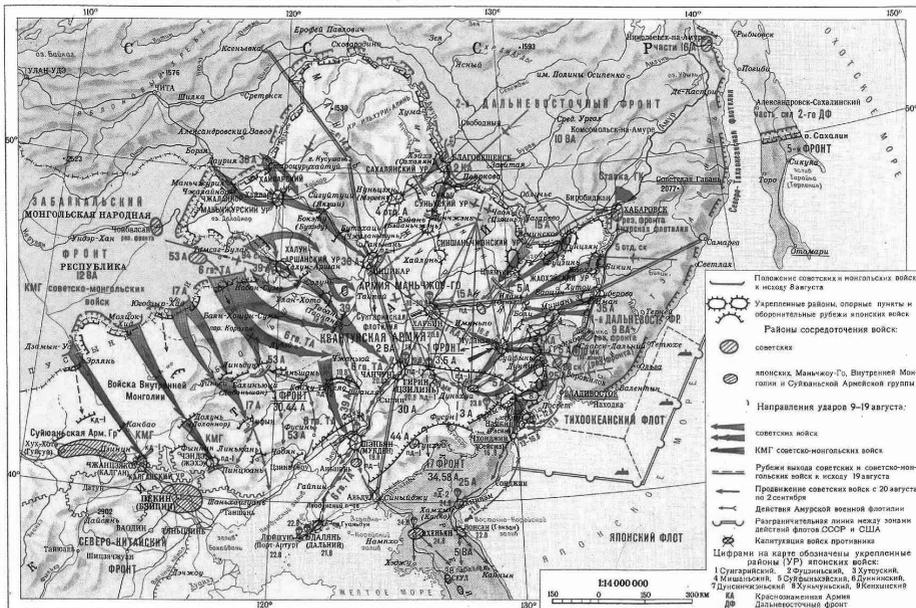
*33-ю зенитную артиллерийскую дивизию;
115, 455, 721-й отдельные зенитные артдивизионы;
12-ю и 27-ю инженерно-саперные бригады;
16-й парк инженерных машин;
13-й и 30-й понтонно-мостовые батальоны;
21-ю роту водоснабжения;
19-й полк связи;
308-й отдельный батальон связи и шесть отдельных телеграфных и кабельно-шестовых рот;
564-ю разведывательно-корректировочную авиационную эскадрилью{15}.*

Численный состав армии - 69 тысяч человек. В стрелковых дивизиях было от 7,5 до 8 тыс. солдат, сержантов и офицеров. Армия имела 1227 легких орудий и минометов и 72 тяжелых орудия, 418 танков и самоходно-артиллерийских установок, 3460 станковых и ручных пулеметов{16}.

В таком боевом и численном составе 1-я Краснознаменная Армия, продолжая учебу, одновременно заканчивала последние подготовительные мероприятия к предстоящей стратегической наступательной операции в Маньчжурии.

ДВА ГЛАВНЫХ УДАРА

МАНЬЧЖУРСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ 9 августа – 2 сентября 1945 г.

Характер местности, время года и погодные условия всегда сильно влияли на планирование наступательных операций. И чем сложнее местность (леса, болота, горы) и сопутствующие ей природные факторы (глубокий снег, половодье, распутица), тем труднее для наступающей стороны выбрать правильный путь к боевому успеху - к решению поставленной задачи в кратчайший срок и с наименьшими потерями. А опытный противник многократно умножает перечисленные трудности соответствующим построением своей обороны. Поэтому прорыв такой обороны требует от командиров и штабов чрезвычайно кропотливой и объемной работы. Приходится решать целый комплекс

отдельных задач, которые зачастую вступают в противоречие друг с другом, создавая, так сказать, тупиковые ситуации. Но штаб продолжает поиски. И если его коллектив хорошо подготовлен, если бьется в нем творческая жидка, он всегда найдет выход. Необычная по своей сложности обстановка, как правило, подсказывает и нестандартный замысел операции. Создать на основе подобного замысла смелый план - этим далеко не исчерпывается подготовительная работа. Надо еще и обосновать план перед старшим начальником, доказать целесообразность отхода от общепринятых положений.

Главное в трудоемкой этой работе - выбрать направление удара, определить ширину участка прорыва, построить войска в необходимый для данной обстановки боевой порядок. Вопросы эти настолько важны и актуальны, что, прежде чем перейти к рассказу о планировании штабом 1-й Краснознаменной армии наступательной операции в Маньчжурии, сделаю небольшое отступление.

История войн дает нам много примеров слепой, без учета конкретной обстановки, «канонизации» даже очень действенных для своего времени методов ведения вооруженной борьбы. Напомню, что еще в годы первой мировой войны явственно проявилась тенденция к сужению фронта атаки при прорыве заранее подготовленной обороны. И когда войска русского Юго-Западного фронта совершили знаменитый Брусиловский прорыв, часть военных теоретиков осудила генерала Брусилова именно за то, что он создал сразу несколько ударных группировок и провел одновременную атаку на очень широком фронте. Они как бы не замечали ни практических результатов сражения, ни того, что успеха добился самый слабый по боевому составу фронт, в то время как значительно более сильный, обладавший крупными резервами соседний Западный фронт лишь «присутствовал при сем» в качестве наблюдателя. Теоретиков тревожил

вопрос: почему генерал Брусилов наступал вопреки правилам? почему нанес несколько ударов на широком фронте вместо одного на узком?

Должен заметить, что подобные вопросы способны смутить не только теоретиков, но и сугубых практиков. В Витебской операции 1-го Прибалтийского фронта, готовясь к наступлению на очень тяжелой местности, среди сплошных болот, штаб нашей 43-й армии выбрал направление, наиболее доступное для продвижения танков, артиллерии и прочей тяжелой техники и транспорта. Однако у командующего фронтом генерала И. Х. Баграмяна созрело другое решение. И нашу, и соседнюю 6-ю гвардейскую армии он нацелил на удар прямо через болота, причем вопреки сложившейся и оправдавшей себя практике - на очень широком фронте. Для нас, его подчиненных, это решение было неожиданным. Но еще более неожиданным оказалось оно для противника. Там, где, по убеждению фашистского командования, и пехотинец-одиночка мог пробраться с трудом, прошли тысячи советских солдат. Мощный удар, нанесенный одновременно по всей 25-километровой полосе прорыва, раздробил силы врага, сделал из его обороны истинный «тришкин кафтан», залатать прорехи в котором он, как ни метался, не смог. И вот уже на вторые сутки наступления участь крупной немецко-фашистской группировки под Витебском была практически решена.

Полагаю, приведенные выше примеры достаточно ясно иллюстрируют необходимость творческого осмысливания даже утвержденных временем правил военного искусства, корректировки этих правил, когда того требует боевая обстановка. Именно этому учит нас история войн вообще и история Великой Отечественной войны в частности. Ведь как бы ни изменились средства вооруженной борьбы, ее тактика, оперативные взгляды, никогда уроки прошлого не потеряют своей ценности. Изучая их глубоко и внимательно,

человек военный прежде всего учится думать. История открывается перед ним не только цифровыми выкладками, но и сложной своей диалектикой, противоречиями, которые встают перед каждым боевым коллективом и при подготовке к бою или сражению, и в ходе боевых действий. Успешно и последовательно решать эти задачи под силу лишь тому коллективу, где костяк составляют люди творческие. Косность в военном деле, приверженность к догме ведут к потерям самого ценного - человеческих жизней, а значит, бороться с косностью надо всеми средствами.

За время Великой Отечественной войны мне довелось участвовать во многих наступательных операциях. Успех в них достигался, как правило, концентрированным ударом на узком участке. Однако две операции потребовали взлома обороны противника сразу на широком фронте, и обе были связаны с очень тяжелой для войск местностью. О Витебской операции я уже упоминал, о Маньчжурской речь впереди. Начну со встречи, которая состоялась сравнительно недавно. Два военных историка, молодые полковники, изучавшие Маньчжурскую стратегическую наступательную операцию, попросили разрешить их сомнения. Почему 1-я Краснознаменная армия нанесла не один главный удар, как практиковалось, а сразу два? Почему удары наносились в расходящихся направлениях? Почему армия наступала в одноэшелонном боевом порядке (то есть, проще говоря, оба корпуса - «в линию»)? Где же глубина? Как же в таком случае наращивать силу первоначального удара, если противник сделал бы то-то и так-то?

Мои оппоненты были настроены весьма критически. Это хорошо. Каждая, даже очень успешная, операция не обходится без недостатков, иногда весьма существенных.

Если вы возьмете отчетные документы 1-й Краснознаменной армии по боевым действиям в Маньчжурии, там найдется

достаточно поводов для критики ряда частных вопросов. Можно и должно критиковать и наш план в целом. Однако тут нужны более веские аргументы, чем те, что построены на базе «чистой» теории (то есть «положено - не положено») или на вопросах типа: «А если бы?» Спрашиваю собеседников:

- На какой день с начала операции нам запланировали прорыв второго оборонительного рубежа японцев по реке Мулинхэ?

- На восьмой день,- ответили они.

- А прорвали?

- На второй. На шесть дней раньше срока.

- А насчет третьего рубежа?

Иэто они, конечно, знают. Ответили без запинки, что прорыв армии к реке Муданьцзян был запланирован штабом фронта на 18-й день, а прорвали мы этот рубеж и овладели городом Муданьцзяном на 10 дней раньше срока. Да и вообще мой с ними разговор не о том, кто и что знает. Оба они изучили операцию по дням и часам и помнят такие детали, которые я давно запомнил. Дело в другом. Надо им помочь научиться в этих вопросах умело сочетать теорию и практику. Ведь передо мной сидят военные историки, научные работники. От них во многом зависит, как наша армейская молодежь, будущие командиры полков и дивизий, воспримет и возьмет на вооружение боевой опыт старшего поколения. Поэтому пришлось рассказать им о всем комплексе проблем, вставших перед штабом 1-й Краснознаменной армии в период планирования операции.

Если взглянуть на географическую карту Дальнего Востока, то на юге Приморского края, к западу от озера Ханка, можно увидеть выступ, обращенный в сторону Северо-Восточного Китая (Маньчжурии). Этот выступ как раз и занимала 1-я Краснознаменная армия летом 1945 года, в канун Маньчжурской наступательной операция. Особенности местности, на которой войскам предстояло наступать,

нам, старым дальневосточникам, были в общем известны, поскольку тайга по обе стороны границы одинакова. Горные хребты как бы барьерами отделяли советское Приморье от Центральной Маньчжурской равнины. Горы покрывал сплошной девственный лес. Могучий дубняк, кедровник, сосны, липы, березы, увитые лианами и диким виноградом, перемежались с колючим кустарником и полукустарником. Кусты заполняли все промежутки между деревьями, свешивались с ветвей, коврами стелились по земле, выставив вверх шипы длиной с палец, твердые и острые, как швейная игла. Человека неопытного эти созданные природой колючие заграждения могли в буквальном смысле раздеть за несколько минут, изрубцевав при этом тело, проткнув насквозь толстые подошвы обуви. Поэтому труден был здесь путь даже для вездесущей опытной пехоты. А внизу, у подножия, на многие километры тянулись узкие, тоже заросшие лесом долины, которые называют падями или распадками. По ним текли речки и ручьи, настолько сильно заболоченные, что в них увязал такой маневренный и вместе с тем мощный танк, как Т-34. Болота встречались не только в низких местах, но и на взгорьях. Взберешься, бывало, на вершину сопки и увязнешь по колено в слабом, хлюпающем грунте. Таковы особенности здешней горной тайги.

Прибавьте сюда бездорожье и отсутствие крупных населенных пунктов. Да что там говорить о крупных! Карты, которыми мы пользовались, свидетельствовали, что на первых 18-20 километрах маньчжурской территории нет никаких населенных пунктов, если не считать японских пограничных застав да отдельных китайских фанз (глинобитных домиков). Их соединяли горные тропы, где и два-то человека разминутся с трудом. А нам предстояло провести здесь шесть стрелковых дивизий, зенитно-артиллерийскую дивизию, более 400 танков и самоходных орудий, бригады тяжелой артиллерии, две

инженерно-саперные бригады, тысячи автомашин с грузами. По самым жестким оценкам, полоса, отведенная нам для наступления, считалась непроходимой для войсковых соединений с тяжелой техникой. Закономерен вопрос: почему командование 1-го Дальневосточного фронта поставило 1-ю Краснознаменную армию на это направление? Прежде всего потому, что надеялось на нее. Она уже несколько десятилетий несла свою боевую службу в тайге. Все учения и длительные марши, практически вся жизнь войск проходила в чрезвычайно трудных условиях горных лесов и болот, где ступала лишь нога охотника да солдата. Некоторые соединения армии (например, 39-я стрелковая дивизия) в 1929 году и позже приобрели опыт боевых действий.

ДЕВЯТОГО АВГУСТА, В ЧАС НОЧИ

Жарким, душным и необычайно длинным был день 8 августа. Все приготовления закончены, войска выдвинуты в исходные районы для наступления, артиллерия встала на огневые позиции. С утра наша оперативная группа заняла армейский наблюдательный пункт на сопке Метла, в 300 метрах от пограничного знака. Воздух неподвижен - ни ветерка, ни даже легкого дуновения. Дальние сопки в мутно-голубом мареве, над ними громоздятся ослепительно белые облака. С наблюдательного пункта видна уходящая на восток, в тыл, долина реки Сиянхэ. Проложенная по ней саперами дорога пустынна. Да и вообще, сколько ни вглядывайся в окрестности, не заметишь никакого движения. А ведь здесь, на пятачке пограничного выступа, в падах, распадках, на лесистых склонах, стоят готовые к бою шесть стрелковых дивизий, сотни танков и самоходно-артиллерийских установок, десятки зенитных батарей и тяжелая артиллерия.

Солнце давно уже перевалило за полуденный меридиан, а духота не спадала. Мелодично зуммерили полевые телефоны. То полковник Турантаев, то полковник Шиошвили снимали трубку, коротко переговаривались по своим делам. Но вот позвали к телефону и меня. Слышу голос Ксенофонтова: «Афанасий Павлантьевич, ты обещал быть на митинге».

- «Буду к шестнадцати ноль-ноль. Томишься, Александр Сергеевич?»

-Томлюсь,-ответил мой старый товарищ.

-А ты?

-Да, к ожиданию часа «Ч» - часа, когда по сигналу войска мгно-

венно придут в движение и пойдут на врага, привыкнуть трудно, сколько ни вой. Напряжение охватывает всех сверху до низу - от штаба до рядового. И сказать в такой момент бойцам нужное слово - это очень важно. Сейчас все наши политработники в частях и подразделениях. Когда мы с членом Военного совета И. М. Смоликовым обсуждали план политработы именно в этот день, то решили, что мне следует выступить на митингах в 39-й и 22-й дивизиях. В ударных группировках 59-го и 26-го корпусов эти дивизии решали самую важную задачу. Им предстояло первыми, преодолев тайгу, выйти на рокадную грунтовую дорогу Пиняньчжень - Чангулинь - Мулин-. Но если 39-я дивизия должна была пересечь рокаду и двинуться далее, в обход Мишаньского УРа на Лишучжень, на северо-запад, то 22-я дивизия устремлялась вдоль дороги на запад, к Мулину.

Поскольку собрать весь личный состав дивизии в такой обстановке нельзя, мы провели митинги в полках. В 22-й Краснодарской стрелковой дивизии выступали вместе с комдивом Николаем Карповичем Свирсом. Напомнили товарищам о славном боевом пути соединения в годы гражданской войны, о том, что сегодня в ночь армия переходит в наступление, чтобы изгнать японских захватчиков из Маньчжурии и освободить китайский народ.

В 39-й Тихоокеанской дивизии вместе со мной выступили комкор Александр Сергеевич Ксенофонтов и командир 50-го Читинского стрелкового полка Михаил Илларионович Гурский. От имени личного состава он заверил командование, что полк выполнит, поставленную ему боевую задачу — прорвется на чангулиньскую дорогу так же, как в 1929 году, когда оседлал эту дорогу под городом Мишань и вышел в тыл группировки китайских милитаристов.

В других частях и соединениях на митингах выступили Иван Михайлович Смоликов и руководящие работники политот-

дела армии. Вернувшись с митингов, обменялись накоротке мнениями. И вот что интересно: поехали мы с целью воодушевить людей, нацелить их на выполнение трудной боевой задачи, а выступили на митингах, побеседовали с личным составом и воодушевились сами - настолько высокими были боевой порыв и чувство интернационального долга в войсках.

Квосьми вечера части заняли исходные позиции для наступления. Солнце склонялось к горизонту, духота не убывала, тучи постепенно заволакивали небосвод. Вернулся из штаба 26-го корпуса Пантелеймон Шиович Шиошвили. Обычно уравновешенный и веселый, наш начальник разведки был чем-то взволнован. Спрашиваю, в чем дело. Он рассказал.

Вглубоком тылу противника, на чангулинской дороге, примерно на полпути между Чангулинем и Мулином, находился перекресток. Вторая из проходивших через него грунтовых дорог тянулась с юга, от города Мацяохэ к городу Лишучжэню. Это был единственный в полосе 26-го корпуса крупный дорожный узел. Естественно, что с ним тесно связывались все дальнейшие действия корпуса, особенно 22-й дивизии, после прорыва через таежное бездорожье. Кроме того, никакой более или менее значительный маневр японских войск на мулинском направлении не мог бы миновать этот перекресток. Планируя действия разведки, Шиошвили в первую очередь нацелил разведорганы корпуса и 22-й дивизии на район перекрестка. Решили послать туда разведгруппу с двумя радиостанциями на пять дней. Задача: вести наблюдение, установить выдвижение войск противника на восток и юго-восток, то есть навстречу нам. Район действий разведгруппы охватывал примерно 36 кв. км. Задача конкретная и вполне по силам разведгруппе из восьми человек, даже с учетом того, что свой путь к цели (более 20 км) ей придется пройти ночью, по азимуту, по лесистым горам и болотам. Однако, по мере того как задача шла сверху вниз, из штаба армии в штаб корпуса и штаб дивизии,

она значительно усложнилась. И когда группу сформировали из состава разведроты дивизии, старший группы старший сержант Ковальчук получил ряд задач, которые нельзя даже назвать попутными - настолько трудоемка и важна была каждая из них. Ему приказали разведать еще и оборону противника за рекой Шитоухэ, состояние дорог и троп и наличие минных полей. Ну, это еще туда-сюда, поскольку совпадает с маршрутом группы. Но Ковальчук должен был разведать и оборону противника в районе Мулина, в 15-20 км западнее перекрестка, проверить данные авиаразведки, в том числе о скоплении танков в окрестностях города.

Эта перегрузка разведгруппы различными по характеру и удаленными по месту действия заданиями и возмутила полковника Шиошвили. Он прошел всю войну и на своем опыте знал, чем кончаются подобные истории, когда каждая низ-

шая инстанция, так сказать, дополняет высшую собственными заданиями. Правда, Шиошвили успел буквально на ходу исправить положение, и отмечу заранее, что группа старшего сержанта Ковальчука блестяще выполнила задачу. Но этот пример привожу потому, что он очень поучителен для разведчиков вообще. Бывают, конечно, исключительные ситуации, однако, как правило, ставить перед разведгруппой надо посильные для нее задачи. Иначе она не выполнит ни одной из них.

Темнота, как и всегда в горах, наступила сразу, без сумерек. До начала операции оставалось три часа, затем два. Командующий артиллерией армии генерал К. П. Казаков машинально посматривал на часы и с досадой морщился. Опытный артиллерист, Константин Петрович попал сейчас в необычную для него обстановку. Всегда и всюду его артиллерия мощными залпами начинала наступление. А сейчас артподготовки не будет. Примерно половина всех наших батарей готова открыть огонь. Но это - на всякий случай. Последние разведданные еще раз подтвердили, что противник не ждет нашего удара через тайгу. Поэтому пехота и танки пойдут вперед без единого выстрела, с ними двинутся артиллерийские наблюдатели и, если потребуются, подадут сигнал, и артиллерия быстро обрушит на японцев тот или иной вид огня.

- Еще дождя не хватало! - сказал Казаков, смахивая с лица первые дождевые капли.

Минут пять дождь падал как-то неохотно, крупными каплями, стучал по брустверу блиндажа и накатам. Потом хлынул густо. Скверная история. Знакомы нам эти дальневосточные дожди - порождение восточных, тихоокеанских ветров. Они обрушивают на тайгу столько воды, что переполняют русла рек, ручьев и речек. Начинается характерное для Дальнего Востока летнее половодье, когда грунтовые, а иногда и шоссейные дороги накрываются бурно мчащимся пото-

ком. Смотрю на часы: полночь. Жду еще минут десять, дождь все усиливается. Надо докладывать командующему фронтом. Связываюсь с ним по телефону, объясняю погодную обстановку. Наступать или отложить до утра? «Наступать!»—коротко ответил он.

В час ночи 9 августа войска 1-й Краснознаменной армии под проливным дождем, при непрерывных вспышках грозových разрядов, перешли границу и по семи маршрутам двинулись через тайгу на запад и северо-запад. Одновременно с главными силами вышли на задание и разведгруппы батальонов, прикрывавших наш правый фланг. Мы решили не ждать активных действий противника с мишаньского направления, а сами навязать ему бой, овладеть цепочкой его погранзастав, взять пленных, чтобы уточнить вражескую группировку в Мишаньском УРе. Была у нас и еще одна очень важная цель. В июне, принимая армию и объезжая передний край, я отметил тактически невыгодные позиции, занимаемые 39-й стрелковой дивизией на участке от озера Ханка и на запад, по Приханкайской низменности (позже 39-ю стрелковую дивизию сменили здесь батальоны укрепрайонов). Спросил у командира дивизии генерала В. А. Семенова, почему он так неудачно выбрал передний край: на иных участках на голой, безлесной равнине, на других - прямо перед высотами, закрывавшими обзор и обстрел. Василий Андреевич сказал, что уже не раз докладывал об этом. Ему ответили, что таково указание - занять оборону строго по линии государственной границы.

Поэтому первая задача группы генерала Максимова состояла в том, чтобы броском вперед захватить приграничные высоты на маньчжурской территории и организовать там сильную оборону.

На всем 80-километровом участке Мишаньского укрепрайона самым важным для нас, да и для противника, было направление Турий Рог, Мишань, проходившее вдоль озера

Ханка, по низменности. Здесь через Дадинцзыский и Цзомутайский узлы сопротивления и до самой границы японцы проложили стратегические дороги и стационарные линии связи. Нацеленность этих подготовительных работ раскрывала

вынашиваемый с тридцатых годов командованием Квантунской армии замысел «подсечь» Приханкайский выступ ударом на Турий Рог, Первомайское, вдоль западного берега озера. В августе сорок пятого, когда мы сосредоточили в выступе ударную группировку, это направление стало для нас особенно уязвимым. Отсюда вытекали ответственные задачи оборонявшихся здесь пулеметных батальонов 112-го укрепрайона и 69-го погранотряда.

Японские пограничные заставы в деревнях [84] Даньбинчжень, Шибянтунь, Шибянтунь-1, Куйтунь, Сяочжань и других располагались в одном-двух километрах от границы и примерно на таком же расстоянии от переднего края Дадинцзыского и Цзомутайского узлов сопротивления. Для ликвидации этих застав, а также отдельных пикетов и наблюдательных пунктов комендант 112-го УРа полковник Даниил Степанович Котов создал группы разведчиков, которые состояли в основном из пограничников и саперов укрепрайона. Одну такую группу подготовил офицер разведки 75-го пулеметного батальона старший лейтенант Лаптев. Наблюдая за японским постом на горе Шкура, он установил режим дня противника и прочие не-

обходимые для успешной засады данные. В ночь на 9 августа шесть разведчиков во главе с сержантом Давыдовым отправились на задание. Вышли на тропу, по которой проходил путь японских наблюдателей к горе Шкура, быстро отрыли укрытия и, прикрывшись сверху пластами дерна и трухлявыми пнями, расположились цепочкой вдоль тропы. Каждый четко знал свою задачу. И вот наблюдатель рядовой Василий Жуков дернул сигнальный шнур. Это означало: «Идут!» По склону, один за другим, шли пятеро японцев, впереди — унтер-офицер. Когда они поравнялись с засадой, шнур дважды дернул уже сержант Давыдов. Разведчики выскочили из укрытия, схватка была короткой. К четырем утра группа Давыдова вернулась в батальон с пленным унтер-офицером.

В ту же ночь другая группа разведчиков в составе 30 пограничников и саперов направилась к японской погранзаставе Сяочжань. Она располагалась в двух километрах от границы, на дороге, проходившей между опорными пунктами к городку Эрженбай. Передний край вражеского укрепрайона был рядом, поэтому группа продвигалась, соблюдая все меры маскировки. Помог проливной дождь. Его шум скрадывал работу саперов, резавших колючую проволоку, которая была натянута между глубоким рвом и высоким глиняным валом, окружавшими внутренний двор заставы. Часовые не заметили пограничников, пока те, одолев скользкий глиняный вал, не ворвались с четырех сторон во двор. Объекты врага были заранее распределены. Часть бойцов атаковала пулеметные дзоты на валу, другая часть — казарму. Сопротивление японских пограничников было сломлено за четверть часа. Из четырех дзотов лишь один успел открыть огонь, но старший сержант Ибисов тремя гранатами уничтожил пулемет. К пяти утра группа без потерь и с двумя пленными вернулась в часть.

Приблизительно так же быстро и результативно действовали и другие разведывательные группы, атаковавшие заставы

Куйтунь, Шибянтунь и другие. Из семи японских застав лишь гарнизону одной удалось бежать и скрыться за передним краем Мишаньского укрепрайона. Но к этому времени все пять артиллерийско-пулеметных и пулеметных батальонов группы Максимова перешли границу и начали продвигаться в глубь маньчжурской территории. На рассвете 10 пленных японских пограничников были доставлены к нашему НП, и полковник Шиошвили, хорошо владевший японским языком, начал допрос. Его результаты позволили нам уточнить оборону противника. Например, мы получили подробное описание опорного пункта Куйтунь-2, имевшего 10 дотов и развитую систему инженерных заграждений. Прояснилась до некоторой степени и путаница с номерами японских полков и дивизий, над которой во время подготовки операции пришлось поломать голову нашим разведчикам. Данные у них были разноречивые: то установят, что под Мишанем дислоцируется 25-я пехотная дивизия, то 125-я. А потом поступит информация, что дивизия куда-то ушла. Теперь стало ясно, что эта дивизия носила номер 25, а весной и в начале лета была реорганизована. На ее базе сформировали две дивизии (25-ю и 125-ю), из которых первая убыла в Японию, а вторая была отведена в глубину Мишаньского УРа. Командование Квантунской армии создало сложную систему условных номеров, которыми наделялись полки и дивизии. Один поручик, взятый в плен, даже жаловался на допросе, что условные номера меняют так часто, что их трудно запомнить. Поэтому затруднения наших разведчиков можно понять.

Конечно же нас интересовали не только цифры и факты, но и вопросы психологического порядка. Большинство пленных ответили, что теперь, когда вступил в войну Советский Союз, японская армия будет разбита, но солдаты все равно выполняют свой долг до конца, потому что этого требует дух Японии. С этой точки зрения представлял интерес дневник,

найденный на заставе Куйтунь. Его автором был рядовой солдат. Это была карманного формата записная книжка с тисненными золотом иероглифами: «Дневник священной войны». Под датой «7 декабря 1942 года» (нападение японского флота на американскую военно-морскую базу в Пёрл-Харборе) этот солдат записал: «Началась великая Восточно-Азиатская война. Незабываемый день!» На первой странице наклеена фотография летчика-смертника из отрядов «специальной атаки» (камикадзе), далее фотографии японского императора, Гитлера и Геббельса, вырезанные из газет карты «великой Восточно-Азиатской сферы совместного процветания», в которую помимо Японии включены все захваченные японской армией территории в Китае, Индонезии, Бирме и других странах, а также советский Дальний Восток. Трижды повторена дата призыва автора дневника в армию и пояснение, что это — день его второго рождения. Много в дневнике и выписок из сборника военных песен. Среди них такие, например, строки: «японский солдат не боится никаких трудностей и всегда улыбается; все, что ему нужно, — это горсть риса в ранце и пачка табака», «солдат никогда не грустит, он светел, как цветок вишни», «ты должен господствовать над миром и двигать время вперед, ибо оно служит нашей священной миссии», «все японцы дети императора и рождены, чтобы умереть за него», «мы водрузим знамя Восходящего Солнца над Уралом» и прочая стихотворная смесь, воспевающая солдатские доблести, агрессивные устремления и боевой дух японской армии, и тут же сентиментальные обращения к матери и невесте. Читал я и думал: до чего же они далеки по расстоянию, но близки по содержанию - солдатские дневники гитлеровских и японских вояк. Только и разницы, что там «водружали» знамя над Москвой и с умилением вспоминали домашнюю канарейку, здесь - знамя над Уралом и цветок вишни.

Военно-полицейский режим, установленный Квантунской Армией в Маньчжурии, был копией с тех давних времен, когда побежденные обращались в рабство со всеми вытекающими отсюда последствиями. Естественна и реакция местного китайского населения - глухая ненависть к поработителям, которая вырвалась наружу в августе сорок пятого, как только японские вооруженные силы стали разваливаться под нашими ударами. Японский военный врач сетовал на допросе на «нехорошее» отношение китайцев к японцам (его, кстати сказать бросившего порученных ему раненых, схватили и передали - советским бойцам китайские крестьяне). Врача спросили:

- Вы знали, что китайцам было запрещено есть рис под угрозой смертной казни?

- Нет, я не знал.

- Вы знали, что за мелкие нарушения оккупационного режима китайца не отдавали под суд, а отводили в полицейский участок, где затравливали специально обученными собаками?

Нет, и этого он не знал. Характерная деталь: на допросе военный врач не мог назвать премьер-министра и министра иностранных дел Японии, зато назвал всех особ императорской фамилии, даты их рождения, бракосочетания и т. д. «Мы, военные, не занимаемся политикой», - пояснил он.

Ненависть китайцев, особенно крестьян, в первую очередь обрушилась на японских колонистов, которые жили в сельской местности своими поселками и в распоряжение которых отошли лучшие земли. Это были своего рода военные поселения, каждый японец-колонист приписывался к ближайшей воинской части. У них имелись свои магазины, вход в которые китайцам был воспрещен под страхом немедленной, прямо на месте, расправы. Но, как говорится, знает кошка, чье мясо съела. И, когда японская армия стала поспешно отступать, колонисты бросили насиженные места и с женами, детьми, стариками и старухами пошли по дорогам, догоняя своих солдат.

А навстречу этим толпам спешили толпы китайских крестьян, вооруженных дрекольем, косами и топорами. И мы, хотя и отлично понимали закономерность этой клокочущей ненависти к оккупантам, были вынуждены принять меры к охране безоружных беженцев.

Янесколько отвлекся от описания боевых действий, но, думаю, это отступление необходимо. Оно в какой-то степени характеризует обстановку в Маньчжурии и поясняет повсеместное ликование китайского населения, которое от мала до велика выходило нам навстречу с красными флагами и флажками на всем пути от границы до города Харбина, встречая и провожая воинские части тысячеголосым хором здравниц в честь освободителей...

Успешная ликвидация японских погранзастав позволила коменданту 112-го УРа полковнику Котову к пяти утра ввести в бой передовые отряды на всем почти 60-километровом фронте. Каждый отряд состоял из одного-двух пулеметных взводов (2040 бойцов, 48 пулеметов), а всего было четыре таких отряда. Конечно, силы очень маленькие, но действовали они отважно и решительно. Один отряд, пройдя за деревню Сяочжань, преодолел противотанковый ров, оседлал перекресток дорог и завязал бей с японцами, занимавшими оборону в Цзомутайском узле сопротивления, два других перешли Китайский хребет, овладели горой Хэбэй-Шань, в непосредственной близости от Наньшаньского узла сопротивления. Когда генерал Максимов доложил мне об этом продвижении, о том, что успехи передовых отрядов создали предпосылки для атаки на японские укрепления, я даже переспросил его, не заблудились ли эти маленькие группы в горах, не приняли ли они желаемое за действительное. Да и не сразу решил, что делать дальше. Ведь задачу, поставленную перед всей группой войск Максимова, - овладеть приграничными высотами - выполнила и перевыполнила горстка храбрецов из передовых

отрядов. Быть последовательным - значило выдвинуть на высоты главные силы 112-го и 6-го укрепрайонов и создать там прочную оборону для прикрытия нашей ударной группы. Так мы планировали, но...

- Противник в растерянности, - говорил мне по телефону генерал Максимов. - Надо использовать это. Ворвемся в Мишаньский укрепрайон.

- А не сорветесь?

- Нет! Уверен! — ответил мне Александр Михайлович.

- Хорошо. Позвоню через час, - сказал я и положил трубку.

Нет, ситуация складывалась не из самых трудных, но подумать над ней стоило. И посоветоваться с подчиненными. Благо они рядом - и разведчик Шиошвили, и начальник оперативного отдела Турантаев. Склонились мы над картой Мишаньского укрепрайона - в глазах пестрит от множества дотов, дзотов, артиллерийских позиций, противотанковых рвов и проволочных заграждений. А на подступах к ним, растянутые на огромном фронте, с многокилометровыми промежутками, - скупые красные скобочки со стрелками. Это пять батальонов Максимова, их положение на сегодняшний день и час. Шутка ли сказать - по 15-16 км на батальон, на 400-500 бойцов! -
- Что скажешь, Владимир Владимирович?

Скажу, что надо прощупать мишаньское направление как следует. Не только передовыми взводами, ответил полковник Турантаев.

Все разведданные в нашу пользу, подтвердил полковник Шиошвили. Пока не видно, чтобы японцы перебрасывали в укрепрайон дополнительные силы.

Обговорив некоторые детали обстановки, сложившейся и в группе Максимова, и на главном направлении, в полосе 59-го и 26-го корпусов, я связался с Максимовым, приказал наступать всеми силами. Его батальоны двинулись к переднему краю Мишаньского УРа.

Принятое решение было бы неправильно сводить только к этим утренним часам 9 августа, к успешным действиям передовых отрядов. Обстановка на любом, даже очень ограниченном участке фронта всегда в большей или меньшей мере связана с общей обстановкой. О том, что происходило в эти часы в полосе ударной группировки армии, скажу позже. В целом начало прорыва складывалось благоприятно. Но дело не только в этом. Такой громадный укрепленный район, как Мишаньский, требовал для своей защиты солидного количества войск, в том числе и пехоты. Однако данные, которыми мы располагали, свидетельствовали, что в течение июля - начала августа командование Квантунской армии, проводя различные подготовительные мероприятия, не насыщало этот район войсками. Почему? Такой вопрос встал перед нами задолго до наступления. Может, противник рассчитывал на хорошие коммуникации, по которым мог быстро перебросить дивизии в УР со второго и третьего рубежей обороны. А может, решил заранее оборонять УР ограниченными силами, проще говоря, пожертвовать ими, чтобы с помощью всей этой массы долговременных огневых точек нанести нам большие потери. В общем, думать за противника - работа трудоемкая, но необходимая. Хотя полный ответ на все возникающие вопросы получаешь обычно позже, чем требуется, - уже в ходе боя или после него.

К вечеру 9 августа группа Максимова вела бои на переднем крае Мишаньского укрепрайона, а на некоторых участках прорвалась и за передний край. Японцы, засевшие в дотах и дзотах, сопротивлялись до конца и, даже будучи окруженными, огнем отвечали на предложение сдаться. Тем не менее наши батальоны продолжали успешное наступление. К исходу дня 112-й укрепрайон полковника Д. С. Котова (75, 409 и 97-й пулеметные батальоны) продвинулся в глубь обороны противника от 1,5 до 9 км, а действовавший левее 6-й

полевой укрепрайон полковника Н. Н. Шегидевича (7-й и 9-й артиллерийско-пулеметные батальоны) - от 6 до 9 км. Более трудным, но в то же время и более перспективным для углубления прорыва выглядел участок полковника Котова. Подчеркиваю: для прорыва! Подводя итоги первого дня наступлений на мишаньском направлении, штаб армии удостоверился, что принятое утром решение активизировать действия группы Максимова принесло хороший результат. Теперь уже можно и должно нацелить батальоны на прорыв укрепрайона, на выход к рокадной дороге Мишань - Мулин и далее, к нижнему течению реки Мулинхэ. В ночь на 10 августа группа генерала Максимова получила приказ «выйти на рубеж Эрженбай, Цзомутай, Баньцзыхэ, Салянцизы, перерезать в указанных пунктах железную и шоссейную дороги и прочно удерживать их за собой». Другими словами, это означало, что группа Максимова своим центром должна была овладеть Цзомутайским и Наньшаньским узлами сопротивления, одновременно Я обходя справа Дадинцзыский, а слева Сыпайский узлы сопротивления.

С утра 10 августа батальоны Максимова, поддержанные метким огнем минометчиков 451-го и противотанкистов 1630-го полков, продолжили штурм Мишаньского укрепрайона. Особенно напряженными были бои за Дадинцзыский узел, на участке наступления 75-го пулеметного батальона капитана В. Н. Шевченко. Это кратчайшее направление на Мишань противник прикрыл мощной обороной. Четыре опорных пункта на господствующих высотах насчитывали 18 дотов и множество пулеметных дзотов. Однако имелся в этой системе и более слабый пункт. Западнее холмистой гряды местность переходила в равнину, по которой, вдоль берега Мулинхэ, в обход опорных пунктов, можно было выйти на мишаньскую дорогу к населенному пункту Шибянтунь-5. Путь к нему преграждала высота 172,5. На ее северо-восточных и юго-западных скатах

имелось в общей сложности три дзота и один дот. Их окружали противотанковые рвы, проволочные заграждения и сеть траншей.

Капитан Шевченко решил овладеть высотой одновременным ударом с севера и юга. Его заместитель капитан И. П. Аносов с двумя взводами пулеметчиков атаковал и уничтожил японцев, оборонявшихся вокруг дзота на северо-восточном склоне высоты. Старший лейтенант А. Ф. Файзрахманов повел свою роту в атаку на противника, расположившегося на противоположном склоне. Артиллеристы старшего лейтенанта П. П. Олейника выкатили противотанковые орудия на прямую наводку и разрушили оба дзота, но стрельба по доту результатов не дала - снаряды не пробивали его железобетонное покрытие. Рота Файзрахманова залегла на открытом месте, неся потери. Но вот бойцы увидели, как крайний в их цепи воин пополз к доту. Пулеметные очереди выбивали фонтанчики пыли и впереди него и сзади, а он, переждав мгновение, опять полз вверх по склону...

..Еще ночью в пулеметную роту Файзрахманова пришли несколько солдат из 4-й отдельной саперной роты. Они должны были разведать минные поля на высоте, сделать проходы в проволочных заграждениях. Среди них был круглолицый коренастый юноша - ефрейтор Василий Колесник. Первое задание Файзрахманова, да и вообще первое боевое задание в своей короткой жизни, он вместе с другими саперами выполнил отлично. Когда рассвело, все увидели, что в тройном ряду колючей проволоки прорезаны аккуратные проходы, что обезвреженные противопехотные японские мины кучками лежат на высоте.

Вторую боевую задачу Василий взял на себя сам, не дожидаясь приказа, по велению горячего комсомольского сердца. Незадолго до этого дня, отвечая на письмо матери, Марии Елисеевны, он писал: «Мама! Я услышал твой голос, моя ста-

ренькая. Если Родина прикажет, я выполню свой солдатский долг. Тебе никогда не будет стыдно за сына». В бою за высоту 172,5 он делом, кровью своей и самой жизнью подтвердил эти слова.

...Она была уже рядом - серая напольная стена дота, щербатая от снарядных разрывов. В темной глубине амбразуры мелькал огонек из ствола пулемета, пули роем свистели над головой. Колесник выдернул из гранаты предохранительную чеку. Бросок, взрыв! Он поднял голову. Дот по-прежнему вел огонь. Вторая граната разорвалась удачнее, в амбразуре, но пулемет замолк лишь на несколько секунд. Колесник оглянулся. Его товарищи лежали в цепи, огонь прижал их к земле. Гранат больше не было. Он встал, бросился к доту и грудью загородил амбразуру. Это видела вся рота. Она поднялась сразу, как один человек. Грянуло «ура». Ворвались в первую траншею. Японцы кинулись по ходам сообщения на обратный скат высоты, к мишаньской дороге, но им навстречу вел свои атакующие взводы капитан Аносов. Рукопашная завершила бой.

Когда бойцы подбежали к доту, их товарищ уже не дышал. Так, проложив путь наступающей роте, смертью героя пал Василий Степанович Колесник, ефрейтор саперной роты 112-го укрепрайона, комсомолец двадцати двух лет, родом из села Боровое, Харьковской области. Сын Отчизны, отважный солдат. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза...

В результате этого боя батальон капитана Владимира Никаноровича Шевченко прорвался в глубину Дадинцзыского узла сопротивления и первым из группы генерала Максимова прочно оседлал рокаду Мишань - Мулин.

В тот же день, во второй его половине, 409-й пулеметный батальон капитана Сергея Антоновича Бульбы, пробившись между флангами Дадинцзыского и Цзомутайского узлов

сопротивления, начал штурм городка Эрженбай. Расположенный здесь японский опорный пункт имел 11 дотов и дзотов. Большинство из них были встроены в фанзы, бетон замазан слоем глины, поэтому отличить дом жилой от дома, в котором находилась огневая точка, было трудно даже с близкого расстояния. Город окружал сплошной противотанковый ров и проволочные заграждения. Пулеметные роты капитана С. Д. Облезина и старшего лейтенанта И. А. Трошкина ворвались в город с севера и юга и при поддержке минометчиков и противотанковых батарей завязали уличный бой. Он продолжался до восьми вечера. Японцы дрались за каждый дом и двор, их приходилось буквально выкуривать из дотов, стреляя по амбразурам прямой наводкой со 100- 200 метров. К исходу 10 августа и здесь, в 8-10 км к юго-западу от высоты 172,5, рокада Мишань - Мулин и стоящий на ней город Эрженбай оказались в наших руках.

Успех сопутствовал и батальонам 6-го укрепрайона, наступавшим на Баньцзыхе (17 км юго-западнее Эрженбая). Прорвавшись в глубину Наньшаньского узла сопротивления и овладев догами на горе Нань-Шань, они ночью вышли на дальние подступы к городу Баньцзыхэ, который, кстати, тоже расположен на мишаньской дороге. Таким образом, группа Максимова уже на второй день операции выполнила малыми силами очень важную задачу. Практически она прорвала долговременную оборону противника на фронте около 70 км и перерезала одну из двух основных коммуникационных линий мишаньской группировки противника.

Докладывая мне об итогах боевого дня, Александр Михайлович Максимов сообщил одну весьма интересную деталь: хотя многие из захваченных дотов строились как пулеметно-артиллерийские или артиллерийские, орудий в них не обнаружили — везде были только пулеметы, иногда по два-три в доте. Это подтверждало наши предположения, что командо-

вание Квантунской армии решило использовать Мишаньский УР в качестве прикрытия, а главные силы, в том числе артиллерию, отводит за реку Мулинхэ для последующего контрудара. Так оно и оказалось в действительности. Однако общая обстановка сложилась для врага настолько тяжелая, что уже к исходу 10 августа он вынужден был отбросить всякую мысль о немедленном контрударе и спасти свои дивизии от окружения, от двустороннего охвата их войсками 35-й и 1-й Краснознаменной армий. Большую роль в этом сыграл быстрый прорыв через тайгу нашей ударной группировки - 59-го и 26-го стрелковых корпусов.

Итак, вернемся на это направление и проследим, как развивались здесь события в первые дни. В час ночи 9 августа вместе с разведчиками границу пересекли группы саперов. Они были сформированы и снаряжены в соответствии с задачей каждой из них. Семь групп вели инженерную разведку колонных путей через горную тайгу, выбирали маршруты для стрелковых полков. Легко сказать: выбирали! Представьте на минуту: тьма кромешная, проливной дождь, крутые скользкие склоны перемежаются болотами, вокруг заваленный буреломом и переплетенный лианами лес, ориентиров, естественно, никаких, кроме намагниченной стрелки компаса. Угол между стрелкой и визиром указывает лишь общее направление, которое где-то там, за 18-20 км, должно вывести данный стрелковый полк на дорогу. А здесь, прямо перед саперами-разведчиками, русло ручья. На карте он обозначен едва заметной синенькой линией, а в натуре эту заболоченную падь не пройти ни конному, ни пешему, не говоря уже о колесных машинах. И саперы в полной темноте где и впереди идущего-то различишь только при вспышке молнии, входят в болото, вязнут в нем, выбираютя оттуда, и так повторяется много раз, пока найдут подходящий брод или обходной путь и, зачесывая крупные деревья, обозначат полтора-два километра

будущего колонного пути. А визир компаса упирается в новое препятствие - в крутой склон, и опять они ищут обход, и нет ни времени, ни возможности передохнуть. Ведь от того, как скоро они выберут наименее трудоемкий маршрут, зависят темпы продвижения войск.

Высокая профессиональная подготовка, физическая выносливость, умение безошибочно и быстро ориентироваться в самых сложных условиях — все это обеспечило в целом успех инженерной разведки в полосах 59-го и 26-го корпусов. Отлично проявили себя саперы 22-й стрелковой дивизии во главе с дивизионным инженером капитаном Н. Г. Дрондиным. Опытный таежник, он сам наметил трассу, да так умело, что прокладка двух колонных путей, валка леса, укладка настилов и гатей через болота потребовали минимального (по сравнению с другими дивизиями) времени. Отсюда и высокие темпы продвижения 22-й Краснодарской через тайгу.

Понятие «высокие темпы» надо рассматривать с учетом описанной выше обстановки. Танкист, да и пехотинец, которым не приходилось пробиваться через таежные дебри, возможно, лишь улыбнутся, когда прочитают, что продвижение по 500-700 метров в час нас удовлетворяло. Этим скептикам отвечу цифрами. В той же 22-й дивизии из 20 км, пройденных за первые сутки (считая вместе оба маршрута), на восьми километрах пришлось выкладывать сплошной настил, то есть деревья, сваленные танками и распиленные на бревна. С самого начала стало ясно, что одним саперам, 16 батальонам, все-таки не справиться с колоссальным объемом работы. Поэтому к ней были подключены стрелковые полки из вторых эшелонов дивизий, а затем и артиллеристы и тыловые части, а в конце концов все, кто продвигался по колонным путям. И пока мы не вышли из тайги на дороги, более двух третей личного состава армии было занято дорожными работами. Тяжело дались нам эти таежные километры, но зато и

результат прорыва превзошел все предварительные расчеты, в том числе по срокам.

Вместе с инженерной разведкой пути, непосредственно занятой на маршрутах, были высланы и группы саперов в глубокий тыл противника, к реке Шитоухэ, и еще дальше, к Мулину, к реке Мулинхэ. Группа старшего лейтенанта А. Г. Киселева (26-й стрелковый корпус) обследовала реку Шитоухэ и проходившую по ее берегу дорогу на Чангулинь. Киселев доложил по радио необходимые данные. Они сводились к тому, что Шитоухэ, несмотря на летний паводок, вполне преодолима вброд и пехотой, и танками, и артиллерией. Но дорога на Чангулинь очень плохая. Многочисленные деревянные мосты и дренажные трубы прогнили и могут обеспечить пропуск грузов в 4-5 тонн, не более.

Группа старшего лейтенанта М. В. Долгих (27-я инженерно-саперная бригада) проникла еще дальше в глубь обороны противника - на 35 км, до второго оборонительного рубежа на реке Мулинхэ. Также по радио мы приняли очень важные сведения о недавно построенном мосте в Мулине и точные координаты разведанных бродов. Все эти данные пригодились штабу армии уже 10 августа, когда были введены в прорыв передовые отряды стрелковых корпусов - 75-я и 257-я танковые бригады.

В тот же день ценную информацию передала и упоминавшаяся уже разведгруппа старшего сержанта Ковальчука. Он действовал исключительно смело и грамотно. Высота, которую Ковальчук выбрал для наблюдения, находилась в 2 км юго-западнее Мулина. С нее разведчики видели и полевой аэродром с самолетами, и развилку грунтовых дорог вблизи города, и железнодорожную станцию. Таким образом, весь график работы этого узла, прибытие и отбытие воинских эшелонов, время и направление передвижений войсковых колонн по грунтовым дорогам, интенсивность авиационных полетов

и многие другие сведения докладывались в штаб армии по рации. Но Ковальчук не ограничился только наблюдением. Его группа захватила в деревне Сяоченцзы японского офицера, от него узнали, что гарнизон в Мулине состоит из двух пехотных батальонов, а 80 танков, давно уже фигурировавших в наших разведсводках, - всего лишь деревянные макеты. Ковальчук и эти показания проверил. Нашел китайца, говорившего по-русски, а с его [96] по-мощью и других местных жителей. Они выполнили его задание, и дислокация вражеского гарнизона прояснилась до деталей. Уже потом полковник Шиошвили пожурил старшего сержанта за рискованный эксперимент - ведь разведчик мог натолкнуться на человека, состоявшего на службе у противника. Но дело было сделано, и сделано блестяще. Другого слова не подберешь.

Кисходу дня 9 августа, продвигаясь одновременно на северо-запад, на Чангулинь (59-й корпус) и на запад, на Мулин (26-й корпус), ударная группировка армии преодолела примерно половину своих таежных маршрутов и вышла сначала авангардами, а затем и главными силами к реке Шитоухэ на 16-километровом фронте. Авангардные батальоны с ходу форсировали ее и перерезали грунтовую дорогу - ту самую, которую разведала группа саперов старшего лейтенанта Киселева. Эта дорога, проложенная японцами в военных целях, начиналась в тайге и тянулась по ней на север, к большой чангулиньской дороге. Состояние ее действительно оставляло желать лучшего. Полотно не приподнято, кюветов нет, все дорожные сооружения - ветхие. Любой сильный дождь превращал дорогу в трясиину. Впрочем, она была типичной для всей дорожной сети в этом горном районе. Почему японцы, готовясь к войне с нами и создавая множество укрепленных районов с сотнями дотов каждый, с благоустроенными военными городками, аэродромами, складами, прокладывая эти необходимые для маневра рокады, не заботились о них

в дальнейшем, ответить не просто. «Хотели, чтобы мы на них завязли», - сказал мне командир 257-й танковой бригады подполковник Г. С. Анищак. Это была, конечно, шутка. Ведь Квантунская армия готовила район как исходный для своего наступления. Более точное определение, на мой взгляд, дал наш армейский инженер полковник Максим Николаевич Сафронов, когда заметил: «Плохие они были хозяева. Бандитского пошиба». Эти слова подтвердит каждый ветеран летней кампании сорок пятого года в Маньчжурии.

Захватив страну в начале тридцатых годов, японские оккупанты эксплуатировали ее хищнически, на износ, под девизом: «вложить минимум, выкачать максимум». Даже Китайско-Восточную железную дорогу, без использования которой нельзя было провести никакую крупную перегруппировку войск, они довели до плачевного состояния - шпалы не меняли, пока те не превращались в труху. Зато каждый японский офицер, отслуживший в Квантунской армии, возвращался на родину с громадным багажом награбленных вещей - от дамского шелкового белья до стальных часов-ходиков и медных дверных ручек затейливой формы. Служба в Маньчжурии считалась верным путем быстро сколотить изрядный капиталец. Взятничество поразило Квантунскую армию сверху донизу. Солдаты подносили офицеру снятую с убитого китайца лисью шубу, офицеры подносили генералу сервизы китайского фарфора и старинные мебельные гарнитуры. Командование Квантунской армии создало систему откупов. Японские дельцы, которые заволокли Маньчжурию, могли за приличную взятку получить откуп на монопольное владение даже льдом на реке Сунгари (электрохолодильников тогда не было), на чистку дымовых труб и так далее. Причем та же поставка льда в рестораны или чистка труб производились насильственно, под присмотром жандармерии. Ты не хочешь? У тебя в этом нет нужды? Значит, ты добыл лед и почистил трубы тайком, в

обход законных прав «монополиста». Истратил деньги, половина которых пошла бы в фонд Квантунской армии. Обманул армию, обманул Японию. Отправляйся в полицейский участок, пообщайся с собаками-людоедами, — может, поумнеешь. Это, уважаемый читатель, не сказка, не фантазия. Эта лишь скупые штрихи того тяжелейшего оккупационного бытия, в котором пребывало население Северо-Восточного Китая долгие-долгие 15 лет.

Воткуп дельцам отдавались и дороги. В этом и надо искать причину их плохого состояния. Но, как бы там ни было, нам приходилось пользоваться существующими коммуникациями. В таежном бездорожье и они были благом.

Ночь на 10 августа прошла в напряженной работе. По колонным путям к передовой подтягивались главные силы 59-го и 26-го корпусов, 75-я и 257-я танковые бригады, артиллерия, шли сотни машин с боеприпасами и горючим. Несмотря на то что мы продвигались сразу по семи маршрутам, несмотря на огромные усилия инженерных войск, непрерывно усовершенствованных пробитые через тайгу колонные пути, сделать это было чрезвычайно трудно. Ведь за первые 20 часов наступления общая суммарная протяженность этих путей составила до 70 км. Но деле не только в числе километров. Дело в том, что войска с их тяжелой техникой шли непрерывно. Но мог же командир дорожного отряда просить танкистов, чтобы они подождали, пока его саперы устроят такой настил, который не повредят даже танки. Все действия войск, в том числе саперных, были нацелены на решение главной задачи - как можно быстрее выйти в глубокие тылы противника. Поэтому дорожным отрядам после прохода очередной колонны приходилось опять и опять восстанавливать сильно поврежденную, а иногда и совсем разбитую лесную дорогу. Колесный транспорт в буквальном смысле проталкивали через заболоченные участки на своих плечах. Неимоверно тяжелая эта ра-

бота окупилась сторицей, когда мы подвели итоги первого дня наступления в полосах 59-го и 26-го корпусов. До выхода на основную, или, на военном языке, осевую, дорогу - чангулинскую оставалось преодолеть сравнительно неширокий участок горной тайги - 6-12 км, причем часть этого маршрута падала на японские военные дороги. Пусть они очень плохи, но все-таки не надо валить танками лес и выкладывать многокилометровые настилы и гати, как в первый день наступления.

Второй главный вопрос, на котором основывалось решение на 10 августа, касался реакции противника на наш прорыв через тайгу. Разведчики 59-го корпуса уже вышли на чангулинскую дорогу, к городу Чангулинь и доложили по радио, что на всем 15-километровом маршруте противника не встретили, что Чангулинь занимает небольшой отряд японцев. В свою очередь разведгруппа старшего сержанта Ковальчука сообщала, что с севера через железнодорожную станцию Мулин на останавливаясь проходят на Муданьдзян воинские эшелоны. Об упорном сопротивлении противника докладывал лишь генерал Максимов, батальоны которого пробивались через Мишаньский укрепрайон. А взятые вместе и дополненные авиаразведкой, эти сведения с большой долей вероятности позволяли предположить, что дивизии противостоящей нам 5-й японской армии спешно отводятся даже не на второй оборонительный рубеж, в район Мулина, а еще глубже, в район города Муданьцзяна, на третий рубеж. Решение не оригинальное. Скажу более: вынужденное. Прорыв 1-й Краснознаменной застал врага врасплох, наш клин, уже явственно обозначившийся на мулинском направлении, поставил японцев перед угрозой окружения в Мишаньском УРе и севернее.

Втакой ситуации задача главных сил армии ясна: усилить темп наступления до максимального, перерезать все дороги, идущие вдоль линии фронта, и постараться разгромить вражеские колонны еще на марше или в железнодорожных

эшелолах. А для этого надо немедленно оседлать рокадную дорогу Мишань - Мулин, форсировать реку Мулинхэ и, продолжая наступление, выйти на вторую рокаду Мишань Линькоу Муданьцзян. Первая из них в 25-30 км от нас, вторая в 6080 км. Значит, пора вводить в прорыв подвижные отряды стрелковых корпусов 75-ю и 257-ю танковые бригады. Так мы и решили.

Около полуночи с 9 на 10 августа начальник штаба армии генерал Ф. Ф. Масленников передал соответствующий приказ командирам корпусов. Вскоре они доложили, что танковые бригады уже на западном берегу Шитоухэ и готовы к наступлению. Оставалось подождать до рассвета.

Ночью мы получили из штаба фронта информацию о продвижении других армий. Оно было успешным. Наш правый сосед 35-я армия, ведя частью сил атаки на укрепленный район Хутоу, двумя дивизиями обходила с севера озеро Ханка. Дожди превратили Приханкайскую низменность и долину реки Сунгач в сплошное болото. Пехоте пришлось наступать где по пояс в воде, а где и по грудь. Тем не менее к исходу дня армия продвинулась до 12 км в сторону города Мишань.

Левый сосед 5-я армия в первый день наступления добилась наибольшего продвижения среди всех армий фронта. Передовые отряды 65-го и 72-го стрелковых корпусов к рассвету уже прорвались в глубину мощного узла сопротивления японцев Волынского и, штурмуя доты на сопках Верблюд, Острая и Офицерская, лишили эту долговременную оборону устойчивости, нарушили огневое взаимодействие и создали предпосылки для перехода в наступление главных сил армии. К середине дня большая часть железобетонных дотов и других сооружений Волынского узла была подорвана и захвачена, вскоре та же участь постигла и другие узлы сопротивления укреп-района Суйфыньхэ, и к утру 10 августа 5-я армия овладела крупным узлом дорог и сильно укрепленным

пунктом Суйфыньхэ (Пограничная). К концу дня армия генерала Крылова продвинулась на главном направлении на 20-23 км, расширив прорыв до 35 км.

25-я армия генерала И. М. Чистякова, наступая на широком фронте, продвинулась на 10-12 км в глубь Маньчжурии и Кореи.

Наряду с успешным и повсеместным прорывом войск 1-го Дальневосточного фронта через полосу пограничных укреплений, хорошими темпами продвижения (некоторые соединения за день боя выполнили задачу второго и даже третьего дня наступления) надо отметить и такой факт: гарнизоны вражеских дотов, даже блокированные, даже загнанные из верхних, боевых этажей дотов в нижние, отказывались сдаться, и для их ликвидации приходилось оставлять стрелковые, саперные и самоходно-артиллерийские подразделения.

Как нас информировали, быстро продвигались в глубину Маньчжурии и другие фронты - Забайкальский с запада и 2-й Дальневосточный с севера.

В ГОРОДЕ ХАРБИНЕ

Итоги наступательной операции 1-й Краснознаменной армии, оформленные в отчетные документы, мы отправили в штаб 1-го Дальневосточного фронта, а затем доложили и лично командующему фронтом Маршалу Советского Союза К. А. Мерецкову. Кирилл Афанасьевич приехал к нам в Харбин вместе с членом Военного совета фронта генерал-полковником Т. Ф. Штыковым и первым секретарем Приморского крайкома партии Н. М. Пеговым. С Терентием Фомичом и Николаем Михайловичем у нас состоялась беседа по очень серьезному вопросу - о санитарном состоянии Харбина и других маньчжурских городов и населенных пунктов. В период японской оккупации бюджет марионеточной «Великой Маньчжурской империи» был полностью подчинен военным расходам. О здравоохранении, о необходимых санитарных мероприятиях

маньчжурские чиновники и не вспоминали. Окрестности городов превратились в клоаки гниющих отбросов, питьевая вода почти не очищалась. Холера, тиф и другие эпидемические болезни косили людей. Теперь, когда между Маньчжурией и советским Дальним Востоком было восстановлено железнодорожное сообщение и с каждым днем оно становилось все более интенсивным, возникла опасность, что эти эпидемии могут распространиться и на нашу территорию. Требовались срочные меры для того, чтобы обезопасить советские войска в Маньчжурии. О том, как это сделать, одновременно оказав и помощь местным властям в улучшении санитарного состояния населенных пунктов и системы их водоснабжения, и шел наш разговор. Я доложил соображения, подсказанные нашими медиками, перечислил, что именно мы уже предприняли и что планируем предпринять в ближайшее время. Член Военного совета и первый секретарь крайкома, в целом одобрили наш план и внесли в него ряд своих предложений.

Санитарная проблема была лишь одной из многих, с которыми мы столкнулись в Маньчжурии вообще и в Харбине в частности. Когда днем 21 августа я проехал по центральным его улицам, то будто вернулся в далекое прошлое, когда мне, деревенскому парнишке, впервые довелось попасть в Иркутск, еще хранивший облик губернского города. Те же двух-трехэтажные особняки с лепными украшениями, те же высокие серые, с зеркальным парадным входом и широкими окнами, дома для богатых съемщиков, те же замызганные деревянные и кирпичные здания, так называемые доходные дома для бедняков, где во дворах-колодцах среди сушившегося белья и помойных ящиков играли в «крестики-нолики.» бледные, худые ребяташки. По улицам катили пролетки с извозчиками в поддевках и высоких цилиндрах, пробегали стайки девочек-гимназисток, степенно шагали бородатые студенты в мундирах и фуражках со значками политехнического института. Это

была русская часть Харбина, заселять которую еще в начале века начали служащие только что построенной Китайско-Восточной железной дороги. Во время русско-японской войны, когда Харбин стал тыловой базой русской армии, его население сильно возросло. Но особенно оно увеличилось в начале двадцатых годов. Остатки колчаковских разгромленных войск и разного рода штатская публика хлынули из Сибири и с Дальнего Востока в Маньчжурию и осели главным образом в Харбине. Впоследствии часть русского населения Харбина - в основном рабочие и служащие Китайско-Восточной железной дороги - приняла советское гражданство, другие - китайское, третьи - матерые белогвардейцы - продолжали считать себя подданными Российской империи. Они были непременными участниками провокаций, которые устраивали на советско-китайской границе сначала китайские генералы, а потом и японская военщина. Но время шло, надежды на то, что иностранная интервенция и белогвардейское подполье в России свергнут Советскую власть, становились все более эфемерными, и мало-помалу настроение и этой, наиболее агрессивной и антисоветской прослойки русской эмиграции заметно изменилось. И хотя японцы всячески подогревали ее воспоминаниями о российской монархии, хотя и не жалели средств для финансирования разного рода шпионских и полушпионских организаций, вроде Русско-японского института или фашистской группы Радзиевского, ощутимых результатов они не добились. А когда началась Великая Отечественная война, когда битвы под Москвой, Сталинградом и на Курской дуге разносили по всему миру весть о славе русского оружия, когда советские армии, громя немецко-фашистские войска, двинулись к границам Германии, в среде эмигрантов произошел перелом. Исключение составила лишь наиболее реакционная ее часть во главе с атаманом Семеновым и его ближайшими приспешниками, которые запятали себя кровавыми злодея-

ниями на Дальнем Востоке еще со времен гражданской войны и активно сотрудничали с японским империализмом. Большинство же харбинцев тайно по радио слушали передачи из Читы и Хабаровска, и каждая сводка Советского информбюро, переходя из уст в уста, мгновенно облетала город. Еще до нашего вступления в Харбин здесь была создана организация, назвавшая себя «штабом советской молодежи», гимназисты на своем собрании переименовали гимназию в «Советскую» и так далее. У меня сохранился номер харбинской газеты «Время» за 22 августа 1945 года. Позволю себе процитировать статью, в которой автор рассказывал о судьбе детей русских эмигрантов в годы японской оккупации.

« Печальна их судьба, - писал он. - Они были русскими, но не видели России, не соприкасались с русским народом. В

школах они изучали географию России, разделенной еще на губернии, тогда как в течение уже более 20 лет Родина наша представляет собой Союз Советских Социалистических Республик. В тех же школах им преподавали государственную мораль, которая по существу своему была не чем иным, как японской аморальностью. Им прививали взгляд, что здесь они имеют свою вторую родину, и потому заставляли ежедневно кланяться флагом Маньчжоу-Го и Японии и совершать поклоны в сторону резиденции правителей обоих государств. В слякоть и непогоду, в трескучий мороз их строем гоняли из неотапливаемых школ, в изношенных пальтишках и рваных башмаках, к японскому храму и заставляли кланяться и там. Их обучали - не только юношей наших, но и девушек - военному строю. Спрашивается: с кем готовили сражаться? Их стремились разложить духовно и физически. Но не таковы сыновья народа русского, чтобы можно было их пригнуть к земле: чем тяжелее был гнет, тем неумолчнее звучали в сердце зовы Родины. Чем больше прилагалось сил к тому, чтобы сделать из наших детей духовных уродов, тем дружнее они сплачивались и тайком около радиоприемников разучивали советские песни и приобщались к своему народу. Все это в прошлом. Стена разрушена. Будущее ясно: наши дети не видели Родины - они ее увидят; наши дети не знали родного им народа - они его узнают».

Могу добавить, что вскоре тысячи харбинцев получили советские паспорта и выехали на Родину с детьми и внуками.

Втой же газете был опубликован приказ, который мне пришлось отдать через несколько часов после того, как я прибыл в Харбин и вступил в должность начальника гарнизона и военного коменданта города. Привожу его здесь с единственной целью - прокомментировать. Показать читателю, какие проблемы иногда очень сложные и серьезные - стояли за эти-

ми скучными пунктами.

«Приказ No 1 Начальника гарнизона и военного коменданта города Харбина.

21 августа 1945 года.

В целях поддержания нормальной жизни и порядка на территории города Харбина и в его окрестностях приказываю:

1) Всем гражданским властям продолжать исполнение своих обязанностей.

2) Всем владельцам торговых и промышленных предприятий продолжать свою деятельность. Цены на товары, продукты питания и т. д. остаются такими, какими они были до прихода советских войск. Продажа спиртных напитков воспрещается до особого распоряжения.

3) Местным властям и гражданскому населению оказывать всемерную помощь в обеспечении нормальной работы школ, больниц, амбулаторий и других культурных и коммунальных учреждений и предприятий.

4) Богослужение в храмах и молитвенных домах отправляется беспрепятственно.

5) Местному населению сдать военному коменданту все имеющееся оружие, боеприпасы, военные материалы, военное имущество и радиоаппаратуру.

6) Все склады и складские помещения со всем наличным в них имуществом, принадлежавшие японским и маньчжурским военным властям, переходят в распоряжение советского командования.

7) Хождение по улицам разрешается с 5.00 до 23.00 по местному времени».

Прежде всего скажем о гражданских властях города Харбина, которые упомянуты в приказе. Мэр города китаец Чжан Тинго был крупным спекулянтom, нажившим за годы японской оккупации миллионное состояние. Такими же темными дельцами являлись и его ближайшие помощники. Они

встретили нас поклонами и угодливыми улыбками, но у них был свой расчет на будущее: советские войска сделали свое дело - разгромили японцев - и скоро уйдут на родину. А им, Чжану и его коллегам, надо удержать за собой «хлебные» места и одновременно оправдаться перед гоминьдановским правительством и его главой Чан Кайши. Ведь как ни крути, их долголетняя и верная служба японским оккупантам - это факт. Но жизнь переменчива, рассуждали эти прожженные дельцы. Теперь, когда Япония поставлена на колени, националистическое китайское правительство обязательно вернется к прежнему антисоветскому курсу. Значит, получить его прощение и даже поощрение можно, если развить соответствующую этому курсу деятельность. Надо, во-первых, показать миру, что сам приход Красной Армии в Маньчжурию уже ознаменовался развалом экономики. И вот господин Чжан засучив рукава взялся за дело. Не знаю, конечно, в каком из пяти своих

особняков пошептался он со сворой харбинских спекулянтов, знаю только, что стали поступать тревожные сигналы: запасы продовольствия в городе быстро тают, цены растут; фабрики, мастерские, коммунальные предприятия могут прекратить работу из-за нехватки топлива; медицинское обслуживание населения, и без того державшееся буквально на ниточке, на жалких грошах городского бюджета, может совсем прекратиться.

Необходимо было срочно поговорить с гражданскими властями, объяснить им, что мы отнюдь не намерены глядеть сквозь пальцы на эти махинации. Эту нелегкую миссию взяли на себя Иван Михайлович Смоликов, начальник политотдела армии Константин Яковлевич Остроглазой и наш консул в Харбине Георгий Иванович Павлычев. Господин Чжан начал с поклонов и улыбок. Разводил руками, объяснял, что в Харбине - капиталистическая экономика. Свободный рынок. Война прервала обычные торговые пути и связи. Это явление естественное. Отсюда и нехватка того-сего, отсюда и рост цен. Но Иван Михайлович Смоликов задал мэру вопрос:

- Естественно ли, что продуктов и топлива не хватает, а на торговых складах, принадлежащих лично мэру города, хранится под замком изрядное количество «Того-сего»?

Константин Яковлевич Остроглазов продолжил:

- Не пояснит ли господин Чжан заодно, как и когда интендантское имущество маньчжурской армии и ее продовольственные запасы из складов на Пристани перекочевали в склады господина мэра?

Лицо господина мэра вытянулось и несколько побледнело. Словом, трудности «свободного рынка» были решены в течение нескольких минут. И вопрос с военными запасами маньчжурской армии - также.

Пункты приказа - пятый и седьмой - были тесно связаны между собой. В ночь на 21 августа мне доложили, что на-

кануне в городе совершено несколько крупных бандитских нападений и грабежей. Был убит один из членов штаба молодежи Харбина, охранявший городские бойни. Другой был застрелен у железнодорожного депо. Разумеется, приказ сдать оружие и боеприпасы и введенный в городе комендантский час не явились непосредственным следствием только этих нападений. Дело было значительно сложнее и выходило далеко за пределы обычной уголовщины.

Уважаемый читатель, вероятно, слышал о китайских профессиональных бандитах - хунхузах. Однако вряд ли ему известно, что в истории Маньчжурии, особенно с начала XX века, хунхузы играли роль не меньшую, если не большую, чем бандитская мафия в Сицилии. И, так же как мафия, хунхузы становились инструментом в достижении политических целей для тех, кто хорошо им платил. Японская разведка завязала связь с ними еще во времена русско-японской войны 1904-1905 годов и щедро оплачивала диверсии хунхузских отрядов на тыловых коммуникациях русской армии. С начала тридцатых годов, когда японские войска вторглись в Маньчжурию, эта связь еще более упрочилась. И хотя отдельные хунхузские вожаки вступали иногда в конфликт с новыми своими хозяевами, но ссоры, причинами которых была дележка награбленной добычи между двумя хищниками, как правило, скоро улаживались. А в целом хунхузы являлись верными помощниками оккупантов в их карательных акциях против китайских партизан. Хунхузы на выносливых маленьких своих лошадах проникали в самые глухие горные деревушки, нападали на партизанские базы, сжигали дома, истребляли жителей и оказывали большую помощь японской жандармерии в разгроме местных организаций Коммунистической партии Китая.

Вооруженные отряды хунхузов (а некоторые из них насчитывали тысячи конников) гнездились в отдаленных уездах, каждый отряд имел «свою» территорию, где властвовали

негласные законы, аналогичные законам сицилийской мафии. Вожаки были связаны родственными узами с зажиточной верхушкой китайской деревни, по-русски говоря, с кулачеством, и с его помощью держали бедняцкое население в жесткой узде.

В момент капитуляции Японии внимание этих бандитских шаек приковали многочисленные японские военные склады, а также промышленные предприятия и торговые фирмы,

хозяева которых - японцы - бежали на юг Маньчжурии. Ожили тайные явки хунхузских вожаков в китайской части Харбина - Фуцзядяне, в Нахаловке и Питомнике. Грабежи, налеты, убийства следовали одно за другим. Но к 22 августа мы уже имели под руками несколько сот солдат и офицеров и смогли предпринять ответные меры. Начальник разведки армии полковник Шиошвили сориентировался в создавшейся обстановке, изучил город и организовал патрульную службу. В первую

же ночь, когда был введен комендантский час, наши патрули дали бандитам, как говорится, хорошую острastку. В пригороде Сань Кэ-шу был захвачен обоз, вывозивший из склада строительные и другие материалы. Хунхузы пытались оказать сопротивление, но были уничтожены, а несколько человек взяты в плен. Такие же вооруженные схватки произошли в эту ночь и в других пригородах и на окраинах Харбина. Видимо, бандиты не ожидали столь быстрой и действенной реакции со стороны нашей комендатуры. Они притихли и затаились, но лишь на время.

Среди захваченных в плен хунхузов оказались и офицеры Армии Маньжоу-Го, которые показали на допросе, что они, как и их солдаты, ушли из казарм, а проще говоря, разбежались еще до капитуляции - как только в Харбин проникли слухи о разгроме японцев под Муданьцзяном. Действительно, из всех частей 4-го военного округа этой марионеточной армии (23-й пехотный полк, четыре саперных, два автотранспортных, авиационный и жандармский отряды), дислоцировавшиеся в Харбине, нам сдалось лишь около 2000 человек, да и то потому, что японцы заперли их в казармах, опасаясь бунта.

Первые сигналы о том, что созданная японцами маньчжурская армия, рассеявшись по стране, и не думает складывать прихваченное с собой оружие, вскоре подтвердились новыми фактами. Мало того, ее офицерский состав стал группироваться в крупных городах, вступил в контакт с хунхузскими отрядами и начал создавать широко разветвленное подполье, главной целью которого были вооруженный террор и диверсии против советских войск, а также уничтожение сторонников Коммунистической партии Китая.

Таким образом, классовый, буржуазно-помещичий состав офицерства маньчжурской армии определил и ее отношение к политической обстановке, создавшейся в Северо-Восточном Китае после капитуляции Японии и освобождения

страны советскими войсками. Верно служившие японским империалистам в их агрессивной войне против Китая, эти предатели своего народа, китайские «квислинги», тотчас же после поражения хозяев провозгласили себя китайскими патриотами и националистами и перешли под знамена гоминьдановского правительства Чан Кайши. И были приняты с распростертыми объятиями. К ним в Мукден, Чаньчунь, Гирин, Харбин и другие маньчжурские города зачастили тайные эмиссары Чан Кайши. Они стали формировать в нашем тылу подпольную гоминьдановскую армию и первой задачей ей поставили захват складов с трофейным японским вооружением, военной техникой и боеприпасами. Подробнее обо всем этом скажу позже, а сейчас вернусь к первым дням сентября сорок пятого года, когда в Харбине царило праздничное оживление и его китайское и русское население восторженно приветствовало победителей.

2 сентября в Харбин в сопровождении Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова и главного маршала авиации А. А. Новикова прибыл на самолете главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке Маршал Советского Союза А. М. Василевский. Прямо с аэродрома мы повезли их на харбинский ипподром, где он осмотрели трофейную технику и вооружение. Посреди ипподрома возвышался громадный, в виде усеченной пирамиды, памятник. Александр Михайлович поинтересовался, в честь какого события он воздвигнут. Объяснил ему, что памятник японский, поставлен здесь еще в 30-х годах в память солдат и офицеров Квантунской армии, погибших при завоевании Маньчжурии. Городские власти просили нас снести его. Подумав, Александр Михайлович сказал:

- Не надо этого делать. Мы освободили Маньчжурию, а сносить или не сносить чужие памятники - это уже не наше дело. Пусть городские власти сами решают и сами выполняют свое решение.

Маршал спросил, как мы готовимся отметить день Победы над Японией. Я доложил, что сегодня в театре «Модерн» будет большой концерт с участием местных артистов и армейского ансамбля песни и пляски и Военный совет армии приглашает наших высоких гостей. Александр Михайлович согласился и добавил, что завтрашний день проведет с нами, а потом поедет в Порт-Артур.

Концерт ему понравился, особенно второе отделение, где выступили наши солисты, хор и танцоры. У вокалистов Харбина были хорошие голоса, они неплохо спели романсы, потом драматические артисты разыграли несколько сцен из

спектаклей. Все это на высоком профессиональном уровне, однако и песенный репертуар, и театральная пронизывала тоска и безысходность. Словом, искусство отражало жизнь эмиграции и настроения, которые царили в ее среде до недавних дней. Это салонное искусство не поспевало за крутыми переменами, произошедшими в жизни Харбина, что остро почувствовала и присутствующая на концерте местная публика. Вот почему первый же номер армейского ансамбля - солдатская

пляска вызвал бурю аплодисментов. Наши плясуны и певцы мгновенно передали свой заряд бодрости, веселья и оптимизма харбинской публике, каждый новый номер повторялся на «бис» раза по три, и концерт закончился поздно вечером.

После концерта Александр Михайлович Василевский сказал мне, что по распоряжению Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина парад в честь дня Победы над Японией будет проведен только в Харбине. Принимать парад товарищ Сталин поручил ему.

- Если назначим парад на воскресенье, на 16 сентября, хватит вам времени на подготовку? - спросил он.

- Вполне хватит, товарищ маршал.

Сэтого дня мы начали усиленно готовиться к параду. Решили вывести на него почти весь харбинский гарнизон - 59-ю и 300-ю стрелковые дивизии, танковые бригады и самоходно-артиллерийский полк, тяжелую и противотанковую артиллерию, гвардейские минометы. Хлопот было много. Предшествующие бои в горах и болотах, тяжелый маршрут наложили отпечаток на внешний вид воинов, на боевую технику. Обмундирование пришло в негодность, а времени для пошивки нового парадного было в обрез. Помогли нам китайские портные. Они разобрали заказы по множеству маленьких мастерских, и буквально в считанные дни весь гарнизон был переодет в новое, парадное и, прямо скажем, щегольское обмундирование. Боевую технику отремонтировали, покрыли свежей краской. Все бойцы и командиры готовились не покладая рук.

Весть о предстоящем параде быстро распространилась по Харбину. Готовились к этому дню все горожане и жители окрестных китайских деревень. Нам сказали, что все предприятия и общественные организации города выразили желание участвовать в праздничной демонстрации, что, по самым скромным подсчетам, на нее выйдут вместе с детьми тысяч триста харбинцев, то есть около половины всего населения

Харбина. Красная материя исчезла с прилавков магазинов. Харбинские улицы украсились флагами, транспарантами и электрической иллюминацией еще в четверг. В пятницу к нам приехали гости - члены Военного совета фронта генерал-полковник Т. Ф. Штыков и генерал-майор К. С. Грушевой, начальник штаба Главного командования советских войск на Дальнем Востоке генерал-полковник С. П. Иванов, член Военного совета Тихоокеанского флота генерал-лейтенант С. Е. Захаров. Поскольку Маршал Советского Союза А. М. Василевский был срочно вызван в Москву, принимать парад войск поручили мне, а командовать парадом - генерал лейтенанту артиллерии К. П. Казакову.

И вот наступило воскресенье 16 сентября. Войска ровными прямоугольниками выстроились на Вокзальной площади. Она не была рассчитана на такую массу людей и техники, поэтому часть стрелковых и танковых батальонов, сводные батальоны саперов и связистов, артиллерия и минометы встали колоннами на привокзальных улицах в окружении харбинцев, забрасывавших автомашины, тягачи, танки букетами цветов.

В 11 утра я выехал на площадь. Отлично выезженная лошадь чутко слушалась повода, тысячи глаз устремились на меня, и хотя не впервой было выступать перед войсками, все-таки волновался. Ведь это - парад Победы! Мельком взглянул на трибуну, где стояли первый секретарь Приморского крайкома партии Н. М. Пегов, генералы Т. Ф. Штыков, С. П. Иванов, С. Е. Захаров, К. С. Грушевой, мои соратники по 1-й Краснознаменной генералы И. М. Смоликов, Ф. Ф. Масленников, К. Я. Остроглазов. Заметил, что Иван Михайлович Смоликов сделал неприметный жест: дескать, все хорошо, все в порядке. И это как-то сразу успокоило. А навстречу уже скакал на гнедом, с белыми чулочками на ногах, коне генерал К. П. Казаков. Четко отдал он рапорт, я принял, и мы объехали выстроившиеся войска. Мощное русское «ура» гремело в ответ

на приветствия, его подхватывали харбинцы.

Генерал Казаков скомандовал; «К церемониальному маршу! Дистанция - на одного линейного!.. Шагом- марш!» Дружно ударил по брусчатке парадный пехотный шаг, батальоны 300-й Харбинской дивизии открыли прохождение. Следом пошла 59-я Краснознаменная дивизия, тяжелые пушки и пушки-гаубицы, показались машины с гвардейскими минометами, и площадь буквально ахнула: «Катюши!» «Катюши!» Оказывается, и сюда, сквозь японские пограничные кордоны и жесточайшую цензуру, докатилась боевая слава нашей реактивной артиллерии. Парад замыкали танковые бригады и тяжелый самоходно-артиллерийский полк. И опять гул восторга и буря аплодисментов прокатились по площади. Ничего даже приблизительно похожего на могучие эти машины не видели харбинцы на многочисленных японских военных парадах.

Потом пошли колонны демонстрантов. Харбин - город многонациональный. Помимо китайцев и русских в нем жили своими общинами корейцы, поляки, татары, немцы и другие народности. Все они вышли на демонстрацию в национальных одеждах, с детьми, у каждого в руках красный флажок или алая гвоздика - так что зрелище было очень красочное. Людской поток тек мимо трибуны до самых сумерек, пока не вспыхнули огни иллюминации.

Вечером в штабе армии был устроен торжественный прием. Подняли бокалы за Победу, за наш народ, за Коммунистическую партию, за Советские Вооруженные Силы и за старейшую из наших армий - 1-ю Краснознаменную Дальневосточную. Вышли на балкон. Город сверкал огнями, а внизу, в саду, кружком сидели солдаты. Баянист играл старинный вальс «На сопках Маньчжурии».

- Слышишь? - спросил Смоликов.

- Что?

- Слова-то новые. Когда только успели сочинить? Молодой

сильный баритон пел:

*Вы пали за Русь,
Погибли за Отчизну.
Время пришло, мы за вас отомстили
И справили славную тризну...
И солдатский хор ладно и дружно подхватил:
Далека ты, далека
От солдатского огонька.
В ночи хмурые
Над Маньчжурией
Проплывают облака...*

Утро 17 сентября началось будничными делами. Их было много. Войска переходили на мирное положение. Составлялись планы боевой и политической подготовки, штабы обобщали опыт недавней войны, начиналась демобилизация старших возрастов, надо было организовать торжественные проводы наших ветеранов, многие из которых участвовали еще в первой мировой и гражданской войнах. В этот день мне доложили и результаты расследования чрезвычайного происшествия, случившегося накануне парада Победы. Банда, около 30 человек, в ночь на 15 сентября напала на караул, охранявший трофейные склады в восточном пригороде Харбина. Трое нападавших были убиты караульными, десятерых взяли живыми. Это были рядовые члены банды, созданной из уголовников еще японской жандармерией, которая использовала их для разных темных дел, в том числе для убийства неугодных ей горожан. Пленные показали на допросе, что к их главарю приезжал какой-то важный господин, говорили, что он прислан гоминьданом из Центрального Китая. У них спросили:

- Цель нападения на склады?
- Добыть боеприпасы для японских винтовок «арисака».

Три дня спустя такое же нападение повторилось в Старом Харбине, где при попытке проникнуть на интендантский склад японской армии были убиты в перестрелке три бандита. 30 сентября в Фуцзядяне ночью бандиты обстреляли наш патруль, четверых из них удалось задержать. И опять они ответили, что им приказали добыть оружие.

- Советское оружие?

- Да, советские автоматы.

- То есть убить патрульных и забрать их автоматы?

- Да, забрать.

В тот же день вечером в китайском кафе поблизости от театра «Модерн» был убит офицер 257-й танковой бригады Михаил Григорьевич Зайцев. В него стреляли через стеклянную дверь, террористу удалось скрыться. 2 октября была обстреляна наша автомашина с солдатами, 16 октября - комендантский наряд в пригородной деревне Палангеза{64}. В схватках были взяты еще пять бандитов. Допрос показал, что все эти случаи не являются делом только отдельных шаек уголовников, обитавших в значных местах города, что их действия направляет опытная рука, что мы поставлены перед фактом организованного террора против советских военнослужащих.

По городу распространялись листовки антисоветского содержания. Они были двух типов. Первый тип - листовки, так сказать, официального порядка. Они подписывались временным подготовительным комитетом гоминьдана в Харбине и его отделом пропаганды. В них, особенно на первых порах, нападки на Советский Союз и китайских коммунистов были слегка завуалированы словесной казуистикой. Листовки утверждали, что «Красная Армия пришла в Маньчжурию по приказу нашего главы правительства Чан Кайши», что «японская армия не воевала и сама сгинула», что «освобождение и свобода народов Северо-Востока (т. е. Маньчжурии. - Прим.

авт.} целиком зависят от армии нашего центрального правительства». Одна из листовок с пафосом вопрошала: «Почему безоговорочно капитулировал японский империализм? Думаем, всем понятно. Это результат борьбы, которую вели Америка, Англия и Китай». Далее разъяснялось, что к августу сорок пятого года Япония была уже разгромлена, «антивоенные элементы в Японии заставили императора подготовить перемирие» и «японский император принял решение арестовать преступников и объявить о капитуляции». А разгром советскими войсками самого крупного из объединений японских вооруженных сил Квантунской армии объяснялся как чистая случайность. Дескать, наступление Красной Армии «случайно совпало с опубликованием японским императором декларации о капитуляции Японии».

Выливая ушаты грязи на освободительную миссию наших Вооруженных Сил, авторы листовок называли советских воинов «некоторыми людьми» или «есть люди, которые...», а китайских коммунистов в Маньчжурии, тоже не именуя прямо, награждали эпитетами, которые даже здесь произвести здесь неловко. Короче говоря, листовки пытались доказать населению Маньчжурии, что охватившее его ликование, восторженные встречи советских воинов-освободителей имеют не тот адрес, что благодарить надо великого полководца генералиссимуса Чан Кайши, Америку и Англию.

Листовки второго типа были откровенно антисоветского содержания. Они подписывались уже не организациями гоминьдана в Харбине, а отдельными лицами, как бы не связанными с центральным правительством Китая и его правящей партией. Эти листовки открыто призывали к войне с Советским Союзом. Вот образчик подобных бредовых фантазий, подписанный: «Чжу Фан Су», то есть «Чжу-антисоветчик». Начав со стандартных фраз, восхваляющих роль гоминьдановского Китая, Америки и Англии в освобождении Маньчжурии, помянув

походя «низких людей в Китае» (китайских коммунистов), обругав статью советско-китайского договора, где китайское правительство официально согласилось признать независимость Монгольской Народной Республики, Чжу-антисоветчик заканчивал: «да здравствует Чан Кайши! В союзе Китая с Америкой, Англией и другими государствами пойдём на Москву! И в Москве выпьем чару вина! Выступайте против большевиков».

Вот так и получилось, уважаемый читатель: не успели еще обсохнуть слезы на глазах жен и матерей советских солдат; сложивших головы за освобождение Маньчжурии, а гоминьдановцы уже охаяли память освободителей, стали стрелять из-за угла в их боевых товарищей, подняли знамя нового антисоветского похода и нацелились не более и не менее как на Москву.

Спросите: что они, эти гоминьдановцы, манией величия все заболели или иным видом шизофрении? Нет, это не болезнь. Это - политика, которая проводилась под девизом «цель оправдывает средства». А цель состояла в том, чтобы всеми средствами затушевать роль Советского Союза в разгроме империалистической Японии. Если вы почитаете нашу литературу, где приведены факты, характеризующие современных буржуазных фальсификаторов истории второй мировой войны, то убедитесь, что старания чанкайшистов сорок пятого года не остались забытыми, что их фальшь, слегка подновленная и переодетая в наукообразную форму, была принята на вооружение многими американскими и прочими зарубежными историками, а спустя некоторое время - и председателем компартии Китая Мао Цзэдуном и его нынешними последователями.

Далеко не сразу произвели маоисты резкую переоценку того огромного вклада, который внесли наши Вооруженные Силы в разгром японского милитаризма, в освободительную борьбу китайского народа. В августе 1945 года, по живым

следам событий, Мао Цзэдун писал:

«...Красная Армия пришла помочь китайскому народу изгнать агрессоров. Такого примера еще не было в истории Китая, влияние этого события неоценимо»{67}. Не прошли годы, и замелькали в маоистской прессе уже знакомые слова про «некоторых людей, которые думают...» и прочая подобная фразеология, пытавшаяся подготовить Китай к следующему пропагандистскому шагу, к тому, что «неоценимую помощь Красной Армии» надо понимать наоборот - так, как понимали ее чанкайшисты.

Тогда, осенью сорок пятого года, передавая представителям Народно-революционной армии трофейное японское оружие и военную технику тысячи орудий, минометов, пулеметов, сотни танков и самолетов, сотни складов с боеприпасами и военным имуществом, мы не считали это чем-то особенным. Просто выполняли свой интернациональный долг перед братьями по классово-борьбе китайскими коммунистами. Знали, что они ведут тяжелые и неравные бои с буржуазной армией Чан Кайши, до зубов вооруженной и оснащенной американскими империалистами, что в дальнейшем эта борьба станет для китайских коммунистов еще более трудной - ведь против чанкайшистов с их американскими танками, бомбардировщиками, артиллерией они имели по винтовке на троих да по три десятка патронов на винтовку. И не помоги мы, кто же им еще поможет?

Начавшаяся вскоре в Китае гражданская война («Третья гражданская революционная война», по принятой там терминологии) между коммунистами и гоминьдановцами на первом ее этапе стала борьбой за Маньчжурию - самый развитый в промышленном отношении район Китая. Но к этому времени соотношение сил уже значительно изменилось в пользу Народно-революционной армии. Сотни тысяч добровольцев - китайских рабочих и крестьян, пополнивших ее ряды, - были

вооружены японским трофейным оружием. Китайским вооруженным силам была передана и часть советского оружия. Создавались танковые, артиллерийские, авиационные части. Армия, до тех пор носившая ярко выраженный партизанский характер, стала регулярной. Битва за Маньчжурию окончилась победой китайских войск, руководимых КПК. Здесь они обрели прочный тыл с 40-миллионным населением, с металлургическими и машиностроительными заводами, с угольными разработками, с надежной продовольственной базой.

Стать свидетелем этих событий мне уже не довелось. В октябре сорок пятого года вызвали в Москву за новым назначением.

**АФАНАСИЙ
БЕЛОБОРОДОВ**

**ДВАЖДЫ ГЕРОИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

ПОРТ-АРТУР

ВИД НА ПРОТ-АРТУР. 1945 год

В конце сорок пятого - начале сорок шестого годов в связи с переходом наших Вооруженных Сил на мирное положение в их организационной структуре происходили значительные изменения. В частности, формировался аппарат главнокомандующего Сухопутными войсками. Мне предложили должность начальника управления боевой подготовки Сухопутных войск. Не хотелось уходить со строевой работы, но Александр Михайлович Василевский, возглавлявший с марта 1946 года Генеральный штаб, сказал:

- Сформируйте управление, подберите людей. А вашу просьбу учтем.

Формируя управление, мы не испытывали недостатка в опытных генералах и офицерах. Просматривая личные дела кандидатов на ту или иную должность, беседуя с ними, я часто затруднялся, кого именно предпочесть из всех этих отлично подготовленных товарищей. В те дни почувствовал особенно остро всю сложность подбора и расстановки кадров. Армия сокращалась, уходили в запас сотни и тысячи генералов и офицеров, которые прошли через огонь многих войн. Как сделать, чтобы в управлении боевой подготовки создать коллектив с наибольшими потенциальными возможностями? Как подобрать людей, не только имеющих личный богатый опыт, но и способных суммировать весь опыт Великой Отечественной войны, детально его проанализировать и сделать достоянием нового поколения солдат и офицеров, которые, чем далее, тем более, будут сменять старшее поколение?

Сижу, бывало, в кабинете, рабочий день окончен. Посоветовался уже с товарищами, решили: такого-то офицера назначим на такую-то должность. А личные дела других кандидатов лежат еще на столе с немым, обращенным ко мне вопросом. Ведь в каждой папке, на пронумерованных страницах, скупыми строками отражена большая боевая биография - неотъемлемая частица биографии наших Вооруженных Сил, драгоценный опыт, который может и должен служить общему делу.

Однажды после официального доклада маршалу А. М. Василевскому, уже за чашкой кофе, у нас зашел разговор на темы, связанные с вопросами изучения боевого опыта и боевой истории наших Вооруженных Сил. Говорю ему:

- Как вы, Александр Михайлович, посмотрите на такое предложение: создать в войсках группы по обобщению опыта войны, с тем чтобы непосредственные ее участники по свежей памяти подробно описали боевые действия своих частей и соединений?

- Положительно! - ответил он и рассказал мне о недавней беседе в Кремле. В ней участвовали И. В. Сталин и маршалы Г. К. Жуков, И. С. Конев и А. М. Василевский. Маршалы предварительно обсудили вопрос, который представлялся очень актуальным: создать, как выразился Георгий Константинович Жуков, хронологию Великой Отечественной войны - только хронологию, но очень подробную, охватывающую все направления, фронты, армии, корпуса, а где потребуется - и действия полков и даже батальонов. За все четыре года, день за днем. К этой работе предполагалось привлечь и большую группу офицеров и генералов, уходящих в запас и отставку, каждому дать задание описать то, чему был свидетелем и участником, причем описание должно быть строго объективным.: события, люди, факты, и никаких личных выводов. А вся работа в целом мыслилась в качестве своеобразной летописи - громадного по объему чернового материала.

Сталин ответил, что идея эта весьма заманчивая, но осуществить ее сразу, по следам событий, невозможно. Свое замечание он мотивировал тем, что нельзя требовать абсолютно объективного взгляда на войну от человека, который перенес все ее тяготы и для которого она стала частью его жизни и судьбы.

К этому разговору с И. В. Сталиным Александр Михайлович Василевский впоследствии возвращался не раз. Говорил о нем и при последней нашей встрече, когда только что закончил писать свои воспоминания.

- Тридцать лет прошло, - сказал он, - а все равно не могу писать о войне беспристрастно. Ты, Афанасий Павлантьевич, что делаешь при бессоннице?

- Воюю, Александр Михайлович. Перебираю в памяти рискованные решения, даже холодок прохватывает.

Напомнил ему о Маньчжурской операции, о его приезде с маршалом К. А. Мерецковым к нам на границу, в падь Си-

янгэ, о решении наступать через горную тайгу на широком фронте. Этот прорыв мне иногда даже снится, но не так, как он воплотился в дело, а наоборот. Будто завязла наша 1-я Краснознаменная в маньчжурских лесах, горах и болотах, и нет пути ни вперед, ни назад.

- Вот-вот! - заметил Александр Михайлович. - И со мной такая же история.

Но вернусь к нашей с маршалом А. М. Василевским беседе в марте 1946 года. Тогда было решено немедленно начать обобщение опыта Великой Отечественной войны в соединениях и частях. Штабы выделяли офицеров, ответственных за эту работу, составлялись соответствующие вопросники и другие документы для того, чтобы обобщение боевого опыта подчинить единому плану. Это дало хорошие результаты и для дальних целей - как материал, необходимый будущим военным историкам, и для цели более близкой и актуальной - непосредственного использования накопленного опыта в обу-

чении и воспитании войск.

Летом сорок шестого года мое ходатайство о переводе в строй было удовлетворено. Главкомандующий Сухопутными войсками маршал И. С. Конев начал разговор так:

- Значит, не хотите со мной служить? И воевали порознь, и в мирное время нет желания? Так? Ну что же молчите, товарищ Белобородов?

-Слушаю ваши указания, товарищ маршал!

Иван Степанович рассмеялся:

- Ладно, садитесь, потолкуем.

Оказалось, нарком обороны уже подписал приказ о моем назначении командующим гвардейской армией, которая находилась в составе Центральной группы войск. Армию я принял в отличном состоянии, в ее рядах было много сталинградцев, начиная с сержантов и кончая старшим командным составом. Приняли меня хорошо, сразу почувствовал себя на месте, или, как принято у нас говорить, «в войсках». Однако послевоенные организационные мероприятия не были еще завершены - в декабре того же года мне предложили новую должность. Меня назначили помощником главкомандующего Центральной группой войск генерал-полковника В. В. Курасова. С Владимиром Васильевичем мы были знакомы давно, вместе прошли боевой путь вплоть до Кенигсберга, поэтому «срабатываться» не было необходимости. Занимался я боевой подготовкой, планировал и проводил различные учения, старался чаще бывать в войсках, но все-таки большую часть времени занимала работа в штабе. Спросил меня как-то Владимир Васильевич:

- Скажите откровенно: скучаете над бумагами?

- Скучаю.

- Вот видите! - продолжал он. - А по мне - нет более интересной работы, чем штабная. У кого какой склад натуры...

ВОЕННЫЙ СОВЕТ В ПОРТ-АРТУРЕ. 1945 ГОД

В марте сорок седьмого года он уехал по делам в Москву, а несколько дней спустя позвонил из Москвы маршал И. С. Конев, спросил:

- Чем занимаетесь?

Отвечаю, что готовим дивизионное учение.

- Мне говорили, вы томитесь в штабе и хотите опять в войска?

- Да, хотел бы.

- Хорошо, подумаем, - сказал он.

Генерал Курасов пробыл в командировке до мая и, едва вернулся, получил из Наркомата обороны телеграмму с приказом немедленно отправить меня с семьей в Москву. Утром мы

вылетели на самолете, а вечером уже расположились в номере гостиницы ЦДСА, что на площади Коммуны. На другой день, в указанный час, явился я в Генеральный штаб. Маршал А. М. Василевский сообщил, что меня назначили командующим советскими войсками, дислоцировавшимися на территории Ляодунского полуострова, в районе Порт-Артура и Дальнего.

- Поедете на два года, - заключил он. - Работа там посложнее, чем в Харбине. Придется стать дипломатом.

Дело в том, что СССР и Китай в 1945 году договорились о совместном использовании Порт-Артура в течение 30 лет в качестве военно-морской базы. Командующий советскими войсками должен был поддерживать контакт с властями (тогда чанкайшистскими) провинции Ляодун. Александр Михайлович предупредил меня о некоторых сложностях, которые встречу на первых же порах. Правительство Чан Кайши не занималось делами этой зоны, а ведь в ней проживали сотни тысяч китайцев. Подобное отношение к собственным подданным, стремление доказать им, что одно только присутствие советских войск на данной территории уже приводит к разного рода житейским трудностям, мне было знакомо и по службе в Северной Маньчжурии в сорок пятом году.

Советские войска на Ляодунском полуострове подчинялись командующему войсками Приморского военного округа. Прибыв в штаб округа, я представился маршалу К. А. Мерецкову, и после приветствия первыми же его словаке были:

- Опять на Дальний Восток? В пятый раз?

- В пятый, Кирилл Афанасьевич.

Пошутили с ним по этому поводу, потом он рассказал о главных аспектах военно-политической обстановки в районах, близких или непосредственно граничащих с Ляодунским полуостровом. В Китае по-прежнему шла гражданская война между гоминьдановским режимом Чан Кайши и коммунистами, но теперь китайская Народно-освободительная армия уже

прочно закрепила за собой Маньчжурию.

Советские войска на Ляодунском полуострове имели в своем составе стрелковые, танковые, артиллерийские соединения и части. В оперативное подчинение командующего входили также все военно-морские и авиационные силы, базировавшиеся на полуострове.

Вобщем, хозяйство было обширное, а что касается военно-морского флота мало мне знакомее. Но коллектив штаба и управления Сухопутных войск уже сработался со штабными коллективами моряков и авиаторов, товарищи помогли мне быстро войти в курс дела, и первые же совместные учения, которыми руководил наш штаб, прошли на хорошем уровне.

Объезжая районы дислокации частей и соединений, я конечно же не преминул осмотреть исторические достопримечательности Порт-Артура и его окрестностей, места боевых действий времен русско-японской войны 1904--1905 годов. Моими проводниками были начальник штаба генерал Гри-

горий Никифорович Перекрестов, который в Маньчжурской стратегической наступательной операции командовал 65-м стрелковым корпусом, и командующий артиллерией генерал Юрий Павлович Бажанов. Осмотр начали с узкого перешейка, отделявшего большую часть Ляодунского полуострова от его юго-западной оконечности - полуострова Квантун с городами Дальний и Порт-Артур.

Здесь, на перешейке, весной 1904 года Восточно-Сибирские стрелковые полки огнем и контратаками встретили первый натиск 2-й японской армии и при соотношении сил один к десяти, сражаясь стойко и мужественно, медленно отходили через Дальний к Порт-Артуру. Зеленые Горы, Волчьи Горы и другие укрепленные позиция почти не сохранили следов былых ожесточенных боев. С ключевой, господствующей над окрестностями горы Высокая были видны как на ладони Порт-Артур и его гавань. А дальше на юг и запад простиралось Желтое море. Эти морские глубины, эта каменная безлесная земля хранили память о тысячах русских солдат и матросов, павших в неравном бою лицом к врагу, о генерале Кондратенко и адмирале Макарове, и самой смертью своей утвердивших честь и достоинство русского офицера. Но помнила эта земля и другое имя - имя Стесселя, никчемности в генеральском мундире, царского холуя и наушника, который вопреки воле большинства военного совета сдал Порт-Артур японцам.

Когда закончилась наша поездка во Квантунскому полуострову, ко мне пришли член Военного совета генерал И. П. Коннов, начальник политотдела полковник Н. С. Демин и мой заместитель по гражданской администрации полковник В. А. Греков. И хотя еще в Москве меня предупредили, что придется много заниматься делами чисто хозяйственными, я только в ходе этого разговора понял, каким огромным будет объем работы. В Порт-Артуре и Дальнем находилось более 20 промышленных предприятий, в том числе такие крупные, как

построенные японцами морские доки, паровозоремонтный и цементный заводы и ряд других. В соответствии с договоренностью между Советским Союзом а Китаем для управления этими предприятиями были созданы смешанные китайско-советские акционерные общества. Однако чан-кайшистские чиновники самоустранились и только вели бесконечную пустословную переписку с обещаниями, которые не выполнялись. А ведь все эти заводы, доки, фабрики, мастерские были на ходу, там трудились тысячи китайских рабочих. Нужно добывать сырье и прочие материалы, составлять перспективные планы, заниматься финансами и многими другими вещами, о которых я имел весьма общее представление.

Короче говоря, чанкайшистские чиновники с традиционными вежливыми улыбками переложили на наши плечи все заботы не только о предприятиях, как таковых, но и о бытовых нуждах всего населения данного района. Разумеется, управление и штаб в обычном своем составе вряд ли удовлетворительно справились бы с этим делом, если бы не аппарат заместителя командующего по гражданской администрации. Его возглавляли опытные специалисты - сначала Владимир Александрович Греков, а затем сменивший его Иван Иванович Ловушкин, один из первых моих учителей и наставников на командирском поприще.

Как и в Харбине и других маньчжурских городах, санитарное состояние Порт-Артура, его Старого и Нового города, и особенно той части, которую заселяла китайская беднота, было очень плохое. Медицинское обслуживание здесь практически отсутствовало. Людей тысячами косили тяжелые заболевания, свирепствовал так называемый комариный энцефалит. Один укус переносчика этой болезни - комара, и человек умирал, а в лучшем случае оставался калекой. Наши медики во главе с полковником Петром Игнатьевичем Кактышем обнаружили, что комар гнездится и размножается в городских трущобах и

зброшенных сырых подвалах, провели громадную работу по дезинфекции, и болезнь на глазах пошла на убыль. В городе и окрестностях были созданы медицинские пункты, где военные медики вели прием больных. Их было столько, что наши врачи и медицинские сестры трудились по 12-16 часов в день.

Все попытки установить деловой контакт с чанкайшистскими властями не давали никаких результатов. Иван Прокофьевич Коннов и Никита Степанович Демин много раз встречались и с главой провинциального правительства, и с его помощниками, доказывали, что пассивность местных властей, их нежелание оказать нам помощь в тех же санитарно-медицинских мероприятиях пагубно сказывается в первую очередь на здоровье китайских подданных. Чанкайшисты обещали, назначали сроки, присылали в штаб письменные уведомления, где на шелковистой рисовой бумаге черной тушью иероглифов были начертаны тысячи извинений и пожеланий долгих лет, процветания и крепкого здоровья, а по делу - ничего. Приезжал к нам и личный представитель Чан Кай-ши - генерал, устраивал банкеты, но у нас создалось впечатление, что единственное, чего он всерьез добивается, это вынудить советских командиров произнести тост о доблести и добродетелях генералиссимуса Чан Кайши.

Со второй половины 1948 года военно-политическая обстановка в окружавших нас районах Китая стала быстро и резко меняться. Народно-освободительная армия одерживала над чанкайшистами одну победу за другой и продвигалась на юг страны. Вскоре Чан Кайши с остатками своих войск бежал на остров Тайвань, под защиту американских авианосцев и линкоров, а 1 октября 1949 года была провозглашена Китайская Народная Республика. Несколько месяцев спустя к нам в Порт-Артур прибыла большая делегация во главе с премьером Государственного административного совета КНР Чжоу-Эньлаем. После торжественного церемониала встречи на аз-

родроме, когда ехали в машине в город, он предложил:

- Давайте устроим общее собрание советских и китайских солдат, командиров и политработников. Мне хотелось бы от имени китайского народа передать советским товарищам чувство братской благодарности, которую мы к вам испытываем.

На собрании, где присутствовало более тысячи советских и китайских военнослужащих, Чжоу Эньлай выступил с большой речью. Он говорил, что китайский народ и его коммунистическая партия никогда не забудут подвиг Советской Армии, разгромившей японский империализм, освободившей Северо-Восточный Китай и подавшей руку братской помощи китайской Народно-освободительной армии. «Пример родины Ленина, родины Октябрьской революции всегда был для нас путеводной звездой, - заключил он. - Вы - наши старшие братья. Позвольте вручить вам от имени ваших младших братьев это знамя. На нем вышиты слова, которыми народ Китая благодарит советский народ и его армию за все, что вы для нас сделали».

По программе пребывания Чжоу Эньлая в Порт-Артуре мы должны были показать ему новую технику и вооружение, но он сказал, что с нашими танками, артиллерией, самолетами хорошо знаком и хотел бы побывать только на подводных лодках, поговорить с китайскими моряками, которые у нас учились. Побывал он на подлодках, сказал мне, что китайские матросы чувствуют себя на наших кораблях как дома, как в своей боевой семье и с помощью советских моряков успешно овладевают сложной боевой техникой. Большую благодарность он просил передать в Москву и от гражданского китайского населения, проживавшего на Ляодунском полуострове.

Однако вскоре, забыв о заверениях в дружбе, китайские лидеры встали на путь враждебности к СССР, к делу социализма.

В 1950 году меня вызвали в Москву. Александр Михайлович Василевский сказал, что после отпуска я получу назначение в один из южных военных округов. Однако отпуск пришлось прервать. Меня срочно вызвали в Генеральный штаб, сообщили, что в Корею началась война, и двадцать семь часов спустя, пересаживаясь с самолета на самолет, я прибыл в Порт-Артур. Обстановка была достаточно напряженной. На 38-й параллели, на границе, отделявшей Корейскую Народно-Демократическую Республику от Южной Кореи, которой правил проамериканский диктаторский режим Ли Сын Мана, шли ожесточенные бои. Сначала корейские народные войска, разгромив противника в приграничном сражении, стали быстро продвигаться на юг, к Пусану, но вскоре здесь, а затем и в Чемульпо высадились американские дивизии, и под их натиском корейская Народная армия была вынуждена отойти на север, в горы, к границе с Китайской Народной Республикой.

По просьбе правительства Корейской Народно-Демократической Республики отряды китайских добровольцев вступили на территорию Северной Кореи и вместе с корейской Народной армией остановили продвижение американцев, а затем и отбросили их к 38-й параллели.

После окончания войны в Корею Порт-Артур посетил Пан Дэхуай. Имя этого старого китайского коммуниста было мне известно с молодых лет, с конца 20-х начала 30-х годов, когда китайская Красная армия только еще формировалась из партизанских отрядов и Пэн Дэхуай стал командиром одного из первых ее корпусов. О длительной и тяжелой борьбе, которую вел этот корпус с чанкайшистскими генералами под городом Чанша, писалось в нашей прессе.

Пэн Дэхуай произвел на меня очень хорошее впечатление. Пожилой уравновешенный человек, он в разговоре был прям и откровенен, избегал парадных слов и многословия вообще, чем грешили некоторые другие китайские партийные и

военные руководители. Пэн Дэхуай командовал войсками китайских добровольцев в Корее, и, естественно, беседа наша началась с этой только что закончившейся войны. Он рассказал, как его добровольцы воевали с американцами в горах Северной Кореи.

- Понимаете, - говорил он, - у американцев сильная техника, танки и авиация. Они хорошо владеют этой техникой. Днем на горных дорогах они были господами положения. Днем мы отходили в горы, где нас не могли достать ни танки, ни бомбардировщики. Мы рассеивались.

- А куда же вы девали свои тылы? Обозы? Госпитали?

- У нас нет тылов, - ответил он. - Вплоть до полка.

- А сколько в полку человек?

- До трех тысяч.

- Как же вы их обеспечиваете всем необходимым?

- Китайскому солдату мало нужно, - объяснял он. - Рис и патроны - на себе у каждого. Для остальных припасов и для эвакуации раненых у нас имеются специальные команды носильщиков. Артиллерия и минометы у нас только легкие.

- Но вы же получили солидное техническое оснащение. Японское и советское. Танки, тяжелую артиллерию.

- Получили, - согласился он. - Но научиться водить танки и стрелять из тяжелых орудий - это еще не вся военная наука. Так ведь? Мы за тридцать лет привыкли к партизанской войне, к партизанской тактике. Пробовали перестроиться - не очень-то получилось. Пришлось и с американцами воевать старым способом. Днем отсидимся в горах, ночью выходим в долины. Нава-лимся на них сразу бегут, бросают технику. Бегать, они тоже умеют, и очень быстро, - засмеялся он.

Зашла, конечно, речь и о Великой Отечественной войне. Мой собеседник оказался осведомленным о многих операциях советских войск, в том числе о Витебской и Кенигсбергской.

- Разведку боем вы проводите малыми силами? - спросил он.
  - В принципе - да.
  - Ну, например, в Витебской операции?
  - В Витебской? Семь стрелковых рот. А ночью ввели в бой несколько штурмовых батальонов.
  - И прорвали немецкую оборону?
  - Да, прорвали.
  - А потери?
  - Около двухсот человек.
  - А мы в Корее, - сказал он, - когда начали общее наступление, бросили в разведку боем несколько десятков тысяч человек.
  - Сколько? - переспросил я переводчика.
  - Десятки тысяч пехотинцев, - подтвердил Пэн Дэхуай и продолжал: Чувствуете разницу?
  - Чувствую! - сказал я. - О потерях не спрашиваю. Его лицо стало сумрачным.
  - Потери были велики, - сказал он.
- Когда мы прощались, он крепко пожал мне руку.
- Вернетесь в Москву, - сказал он, - поклонитесь от всех нас, китайских коммунистов, Мавзолею, где покоится Владимир Ильич Ленин.

Несколько недель спустя, сдав дела, я выехал в Советский Союз. Из Порт-Артура наш поезд, миновав Цзиньчжоуский перешеек, вышел на Южно-Маньчжурскую железную дорогу и двинулся на север, к Харбину. Отсюда начались знакомые места. Проплывали за окном леса, поля, горы, глинобитные деревушки, кумирни на перекрестках больших дорог. Проехали Хайлар, Цаган, Чжалайнор. Поезд пересек границу, и все далее и далее, теряясь в вечерней мгле, уходили маньчжурские сопки.

Шесть лет пробыл я в Порт-Артуре. Общался со многими китайскими коммунистами - и руководителями, и рядовыми работниками - и вот какое впечатление вынес тогда из

бесед с ними: китайский народ хорошо помнит бескорыстную помощь, которую в тяжелые для него времена оказали ему советские люди и в боях против японских оккупантов, и в борьбе с чанкайшистами, и в первые годы после окончания гражданской войны, когда в Китайской Народной Республике начался бурный рост экономики вообще и тяжелой промышленности в частности.

Мао Цзэдун и его последователи и приспешники, поменяв марксизм-ленинизм на шовинистические мелкобуржуазные идеи «великого кормчего», уничтожив десятки тысяч старых китайских коммунистов, таких, как Пэн Дэхуай, Гао Ган, подчинив всю свою деятельность политике антисоветизма, хотели бы предать забвению, вытравить из сердца китайского народа эту память. Но мне, свидетелю и участнику бурных событий, которые пережил Китай в 1945-1953 годах, трудно поверить, что это им удастся. Друг познается в беде, говорит пословица. А самым верным другом китайского народа в его бедах всегда была Страна Советов. И память об этом не вытравят никакие пропагандистские измышления современных маоистов.

АФАНАСИЙ БЕЛОБОРОДОВ К ЧИТАТЕЛЮ

КОМАНДАРМ А.П. БЕЛОБОРОДОВ НА ШТУРМОВОМ ПЛОТИКЕ

Более тридцати лет минуло с той поры, когда победная Маньчжурская стратегическая наступательная операция советских войск заставила быстро капитулировать последнего агрессора второй мировой войны - империалистическую Японию. Срок порядочный, а время, как известно, помогает нам иногда по-новому взглянуть на прошлое и переосмыслить его. Если прежде, вспоминая Маньчжурскую операцию, мы, ветераны-дальневосточники, говорили в основном о боевых ее эпизодах, то нынче на первый план выступили вопросы, которые объемно видишь лишь издали, и чем далее, тем лучше.

Это, во-первых, разносторонняя, всеобъемлющая деятельность нашего Верховного Главнокомандования и Генераль-

ного штаба, блестяще спланировавших и обеспечивших операцию. Этот вопрос достаточно полно освещен в мемуарах Маршала Советского Союза А. М. Василевского, в других мемуарах и военно-исторических трудах. Поэтому я его касался лишь постольку, поскольку было необходимо для показа действий 1-й Краснознаменной армии.

Второй вопрос я постарался раскрыть как можно подробнее. Речь идет опять-таки об огромной предварительной, так называемой черновой, работе всех звеньев командного и партийно-политического аппарата этой армии, начиная со взвода - роты и кончая армейским штабом и управлением. Участвовать в этой работе, которая, собственно, и обеспечивает боеспособность войск, мне довелось лишь несколько недель - с конца июня до начала августа сорок пятого года. Поэтому пользуюсь возможностью еще раз подчеркнуть: когда меня назначили командующим 1-й Краснознаменной, то первые же впечатления убедительно свидетельствовали, что армия находится в отличном состоянии, что задача и моя и моих товарищей, при-

НА ФОТО: БЮСТ А.П.БЕЛОБОРОДОВУ В ИРКУТСКЕ

МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС В П. СНЕГИРИ (МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ)

бывших с Европейского театра военных действий, состоит не в том, чтобы что-то переделывать, а в том, чтобы эффективно использовать высокую боеспособность и боевую готовность дальневосточных дивизий и бригад. И здесь хочу еще раз добрым словом помянуть бойцов, командиров и политработников 1-й Краснознаменной, которые в течение четырех лет Великой Отечественной войны в необычайно тяжелых условиях сумели достойно поддержать славные традиции нашей армии и своей неутомимой будничной работой создали к началу боевых действий все необходимые предпосылки для достижения быстрого и решительного успеха. С чувством глубокой благодарности я всегда вспоминаю вас, мои боевые соратники по

Дальнему Востоку. Лет пять-шесть назад, когда один американский журналист расспрашивал меня о Маньчжурской наступательной операции, о причинах ее успеха и молниеносного разгрома Квантунской армии, в числе главных причин я назвал боевой и трудовой героизм нашего солдата-труженика. Именно его боевое мастерство и сноровка, его солдатские мозоли и труд до седьмого пота позволили, например, нашей армии прорваться сквозь огонь и горную тайгу в глубину вражеской обороны.

Кстати сказать, упомянутый журналист более всего интересовался не самой войной, а подготовкой к ней, различными организационными мероприятиями советского командования, и особенно тем, как удалось ему в кратчайший срок сосредоточить на Дальнем Востоке мощную ударную группировку. Ведь для этого требовалось перевезти по железной дороге на расстояние 9-11 тысяч километров несколько армий, в том числе танковую. Мои ответы американец встречал эмоциональными восклицаниями. Его поражали масштабы дальности и скорости

АННОТАЦИОННАЯ ДОСКА В Г. ВИТЕБСКЕ

**МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА НА БЫВШЕЙ ШКОЛЕ
368 В МОСКВЕ В СОКОЛЬНИКАХ**

передислокации этой массы людей и техники с Европейского театра на Дальневосточный.

Советское командование за три месяца смогло сосредоточить ударные группировки с их тысячами танков и орудий в местностях, где иногда на десятки километров не было населенных пунктов - лишь тайга, горы да болота или безводные каменистые пустыни и полупустыни, где приходилось прокладывать дороги заново и строить все - от землянок и конюшен до складов и полигонов. Но вопреки всем трудностям мы начали боевые действия, как обещали союзникам, день в день через три месяца после капитуляции фашистской Германии. А спустя еще десять дней победным финалом Маньчжурской стратегической наступательной операции положили конец второй мировой войне.

И наконец, последнее, что хотел бы сказать, завершая книгу. Вспоминая Великую Отечественную войну, боевых товарищей, их подвиги в различных боях и сражениях, проблемы,

которые приходилось решать и в бою и вне боя командирам и политработникам, я стремился передавать наш коллективный опыт не тоном нравоучений. Поэтому да простит меня читатель, если в конце книги я отступлю от этого принципа. Мне скоро восемьдесят лет, за плечами большой жизненный опыт. Полагаю, возраст и опыт позволяют мне сказать несколько напутственных слов молодому военному читателю.

**МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА В ЧЕСТЬ ДВАЖДЫ ГЕРОЯ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА А.П. БЕЛОБОРОДОВА
Г. МОСКВА, УЛ. ГЕНЕРАЛА БЕЛОБОРОДОВА, Д.22**

Ты, мой юный друг и соратник, встал под знамена, славнее которых нет. Будь же достоин звания защитника Социалистической Родины, учись военному делу каждый день и каждый час. Пределов для совершенствования знаний и навыков нет, но идти всегда вверх, углублять командирские знания, выработать командирский характер способен тот, кто умеет

заставить себя постоянно учиться. И прежде всего советую тебе научиться думать. Именно так! Ибо уметь думать вообще и уметь думать в бою - это не одно и то же. Учись думать быстро и правильно, так как боевая обстановка редко когда отпускает нам время и возможности для скрупулезной и длительной ее оценки. А принять правильное решение при жесточайшем лимите времени, при недостатке данных о противнике ты тем не менее всегда сможешь, если будешь досконально знать свое дело, своих людей, свое оружие; если приучишь себя к тому, что перспективное решение в бою - это чаще всего дерзкое решение, а дерзость, в свою очередь, влечет за собой определенный риск; если научишься не только принимать правильное решение, но и доказывать старшему начальнику его целесообразность; если, наконец, проводя собственное решение в жизнь, будешь тверд и последователен, но творчески станешь действовать при появлении каких-то новых и непредвиденных обстоятельств, используешь их для выполнения принятого решения не по букве его, но по духу.

Все это очень и очень непросто, к этому надо себя готовить тщательно и постоянно, и если мои воспоминания помогут тебе в овладении трудной нашей военной профессией, буду считать свою задачу выполненной.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Краснознаменный Дальневосточный. История Краснознаменного Дальневосточного военного округа. М., 1971, с. 72-100.
- Созвездие полководцев. Благовещенск, 1972, с. 79-80.
- Краснознаменный Дальневосточный: История Краснознаменного Дальневосточного военного округа, с. 120.
- Цит. по: Рагинский М., Розенблит С. Международный процесс главных японских военных преступников. М.-Л., 1950, с. 244-245.
- Финал: Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году. М., 1969, с. 51-58.
- Василевский А. Дело всей жизни. М., 1978, с. 507.
- Внотченко Л. Победа на Дальнем Востоке: Военно-исторический очерк о боевых действиях советских войск в августе- сентябре 1945 г. М., 1971, с. 15.
- 5 августа 1945 г. Ставка ВГК переименовала Приморскую группу войск в 1-й Дальневосточный фронт.
- Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 351.
- ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6961, д. 87, л. 5-68.
- ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6961, д. 87, л. 150-157.
- ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6961, д. 81, л. 165-468.
- ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6961, д. 44-47, л. 40.
- Краснознаменный Дальневосточный, с. 149
- ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6961, д. 49, л. 3-13.
- ЦАМО СССР, ф. 294, т. 6961, д. 66, л. 15-16; д. 44-47, л. 4.
- ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6961, д. 66, л. 2.
- ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6961, Д. 15-18, л. 111, оп. 6984, д. 29, л. 25, 142, 198-202.
- ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6961, д. 15-18, л. 1-29.
- Практически этот промежуток был еще уже (около 30 км), так как японский опорный пункт Сяо-тян-тай (Волынский узел сопротивления Пограничненского УРа) располагался по-

близости от сопки Тигровой.

-ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6962, д. 15-18, л. 3.

-Разница в боевом составе укрепленных районов (УР) и полевых укрепленных районов (ПУР) определялась их предназначением - обороной долговременных сооружений со стационарной артиллерией или полевых, созданных уже в ходе боевых действий. Поэтому батальоны ПУРОВ имели больше артиллерии и назывались артиллерийско-пулеметными.

-ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6961, д. 15-18, л. 10-17.

-Международные отношения на Дальнем Востоке (1840-1949). М., 1956, с. 539.

-ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6961, д. 66, л. 2-9.

-Эту дорогу, сыгравшую большую роль в начале операции, в дальнейшем буду называть чангулинской - как называли ее и тогда.

-ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 7164, д. 1, л. 184-185

-ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6961, д. 59, л. 38.

-Восемь батальонов 12-й и 27-й инженерно-саперных бригад, шесть батальонов стрелковых дивизий, два батальона стрелковых корпусов.

-ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 7164, д. 1, л. 91-93.

-ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6961, д. 87, л. 203-204, 231-233.

-ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6861, д. 80, л. 176.

-ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6961, д. 80, л. 44; д. 44-47, л. 23; оп. 6980, д. 79, л. 181.

-ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6961, д. 44-47, л. 10-11,

-ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6961, д. 88, л. 43.

-ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 7164, д. 1, л. 180.

-Виотченко Л. Победа на Дальнем Востоке, с. 182-185. 117

-ЦАМО СССР, ф. 206, он. 294, д. 1, л. 200.

-Линькоучжань - железнодорожная Станция близ города Линькоу.

-ЦАМО, ф. 294, оп. 6981, д. 15-18, л. 59.

- ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 7164, д. 1, л. 224 (135-я пехотная дивизия, пока не был точно установлен ее номер, именовалась в наших оперативных документах пиняньчженьской - по месту прежней дислокации. - Прим. авт.}.
- В городском музее Владивостока экспонируется картина, где изображен подвиг Николая Ивановича Цыганкова. Среди экспонатов и его боевое оружие.
- ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6980, д. 79, л. 104.
- Часть этих сил оборонялась против нашего левого соседа - 65-го корпуса армии генерала Н. И. Крылова.
- ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 7164, д. 1, л. 154.
- Правда, 1945, 22 авг.
- ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6961, д. 59, л. 80.
- В состав 1-го (Восточно-Маньчжурского) фронта входили 3-я и 5-я японские армии.
- ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6961, д. 15-18, л. 67.
- ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6961, д. 59, л. 83-85; д. 44-47. л. 14-16.
- Правда, 1945, 17 авг.
- ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6961, д. 88, л. 11, 12.
- Там же, л. 13.
- ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6961, д. 48, л. 20.
- ЦАМО СССР. ф. 294, оп, 6861, д. 15-18, д. 71,
- ЦАМО СССР, ф. 294, оп, 7164, д. 1, л. 154-157.
- Генерал Смоликов прочитал первое, короткое донесение. Несколько дней спустя политотдел 365-й дивизии прислал результаты расследования этого злодеяния, совершенного 12-13 августа 1945 г. (ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6980, д. 59, я. 26-27).
- ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 7164, д. 1, л. 158-162.
- ЦАМО СССР, ф. 294, он. 6961, д. 88, л. 9-10.
- ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6961, д. 15-18, л. 100-102.
- ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6961, д. 15-18, л. 76-96,

**АФАНАСИЙ
БЕЛОБОРОДОВ**

**ДВАЖДЫ ГЕРОИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

- ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6961, д. 59, л. 89-91.
- ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6961, д. 88, л. 6.
- ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 7164, д. 1, л. 248; оп. 6980, д. 79, л. 230.
- ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6980, д. 59, л. 171-175.
- ЦАМО СССР, ф. 294, оп. 6980, д. 59, л. 171-175.
- Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. М., 1963, т. 5, с. 596.

СОДЕРЖАНИЕ

На Дальний Восток	6
О Маньчжурском театре военных действии	39
Первая Краснознаменная	53
Два главных удара	76
В городе Харбине	110
Порт-Артур	132
Примечания	155

**АФАНАСИЙ
БЕЛОБОРОДОВ**

**ДВАЖДЫ ГЕРОИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

**ДВАЖДЫ ГЕРОИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ОТ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ**
(серия из ТРЕХ книг)

Издание подготовлено и выпущено Русским Национальным Благотворительным Общественным фондом во имя Святителя Иннокентия Иркутского, не в коммерческих целях, а в научение нынешним и грядущим поколениям.

www.rnbfond.ru